

АНДРЕЙ РЕННИКОВ

КАВКАЗСКАЯ
РАПСОДИЯ

РОМАН О ЛЮБВИ
В ЛИХОЛЕТЬЕ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Андрей Ренников

Кавказская рапсодия

«Центрполиграф»

1920-1955

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

Ренников А. М.

Кавказская рапсодия / А. М. Ренников — «Центрполиграф»,
1920-1955

ISBN 978-5-227-11352-8

Зима 1918 года. Студент Николай Тверцов покидает охваченный революцией Петроград и возвращается домой, на Кавказ. Родной Батум встречает героя ранним цветением садов и тревожными вестями с Севера – Гражданская война разгорается с новой силой. Однако жителей черноморского побережья больше волнуют вести о том, что по условиям Брестского мирного договора Батумская область переходит Османской империи. Турецкие войска осаждают форпосты, но горожане не готовы сдаваться без боя; вчерашние студенты и гимназисты вступают в ряды защитников Батумской крепости. Но силы неравны, и вскоре турки занимают город. Николай и его товарищи ищут способ вырваться из осажденного города и морем добраться до Новороссийска, чтобы соединиться с частями Добровольческой армии... Роман Андрея Ренникова (творческий псевдоним русского писателя-эмигранта А.М. Селитренникова, 1882–1957), созданный в 1950-е годы на чужбине, – это история о взрослении в переломную эпоху и непростом выборе жизненного пути.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-227-11352-8

© Ренников А. М., 1920-1955

© Центрполиграф, 1920-1955

Содержание

1	7
2	15
3	19
4	26
5	31
6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Ренников

Кавказская рапсодия



Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2026



1

Поезд шел медленно, неуверенно, будто нащупывая тревожно стучащими колесами свой ненадежный железный путь.

Как всюду в России в эти месяцы начала 1918 года, так и здесь, на закавказских железных дорогах, царил полный развал. Расписания не соблюдались; стекла во многих вагонах – выбиты; на полу в купе и в проходах – грязь, шелуха семечек; места в поездах брались с боем; пассажиры, обладавшие достаточным здоровьем и ловкостью, забирались внутрь непосредственно через окна, презирая буржуазные двери. На станциях от Баку до Тифлиса – живое месиво из местных народностей и социальных слоев: татары, армяне, грузины, персы; русские солдаты, во славу революции покинувшие турецкий фронт; чиновники, купцы, землевладельцы, нарочито бедно одетые, испуганно бегущие – одни на восток, другие на запад.

И в вагонах всех классов пассажиры – на скамьях, на диванах, на поднятых спальнях местах, на полках для вещей, в проходах...

Студент четвертого курса Петроградского университета Николай Тверцов пробирался из столицы к своим родителям в Батум. Во время этого нелегкого путешествия пришлось несколько раз пересаживаться в другие поезда; в последний раз пересадка была возле Баку в Баладжарах, и здесь Тверцову удалось втиснуться в вагон одним из первых и даже занять место возле окна: на его счастье, из

одного отделения вывалилась целая банда матросов, направлявшихся по своим буйным делам на север, в Петровск.

Поезд вышел из Баку накануне вечером; теперь было около двух часов пополудни следующего дня, а доехали только до Караязской степи. По пути можно было видеть немало разрушений, произведенных подонками местного населения, радостно воспринявшими смысл наступившей свободы: обугленные после пожара здания некоторых станций; разбитые железнодорожные амбары и склады; поваленные телеграфные столбы, наскоро замененные новыми.

Тверцов расстегнул свою студенческую шинель, снял фуражку и провел рукой по коротко стриженным волосам. Несмотря на зимнее время и на отсутствие топки, в вагоне было жарко. Южное солнце сильно грело сквозь оконное стекло, ярко освещая сидевших в купе: добродушного старого грузина с небольшой седой бородкой, с живыми черными глазами, одетого в странного вида теплый кафтан, с темносиним картузом на голове; угрюмого пожилого армянина в плоской шапочке, в бесформенном длинном пальто, подпоясанном серебряным поясом с крупной застежкой; сидевшую против него молчаливую жену с глазами, в которых как будто застыло выражение испуга; двух русских женщин в цветных платках и темных шالях; семью бритого перса на одном из спальнях мест наверху; какую-то женщину с малолетними детьми и двух татар напротив.

Поезд постепенно замедлил ход, на некоторое время остановился; затем сделал легкую попытку рвануться вперед, но снова, точно обессиленный, стал.

– Господин студент, – почтительно обратился к Тверцову старый грузин, – вам видно... Это что? Станция Дзетам?

Старик говорил по-русски довольно свободно, но с сильным кавказским акцентом.

– Не знаю, право, – нерешительно ответил Николай, посмотрев в окно. – Как будто никакой станции не видно. Может быть, с той стороны?

– Здесь тоже нет, – вытянувшись во весь свой рост и глядя поверх стоявших в проходе пассажиров, проговорил грузин.

– Теперь каждый машинист сам себе станция, – угрюмо заметил армянин. – Восемь часов работал, значит, отдыхать надо. Должно быть, на паровозе суп кушает.

– А может – шашлык, – с лукавой улыбкой добавил грузин.

– Оганез, молчи, – сказала армянину жена, тревожно косясь на русских соседок. – Спи лучше.

– Зачем спать? Я уже спал. Оттого что я буду спать, люди не сделаются умными.

– Ого, смотрите, пожалуйста! – насмешливо воскликнул грузин, взглянув на окно и почувствовав, что поезд тронулся с места. – Поехал!

Поезд, однако, через минуту опять стал. В вагоне раздался смех. А в проходе слышался дребезжащий звук опускавшегося окна, и кто-то громко крикнул по направлению к локомотиву:

– Крути, Гаврила! Чего дурака валяешь?

– Ох, ох, – вздохнул армянин, подняв глаза кверху и уставившись презрительным взглядом на облупленную доску спального места, где помещалась женщина с малолетними детьми. – Я думаю, это путейский министр кричит. Сейчас все стали министры. Раньше один министр давал приказ, и сто тысяч народа его слушали. А теперь – сто тысяч министров кричат, а один только человек слушает и тот обижается.

– Оганез! – снова произнесла жена.

– Сам знаю, что Оганез. А что это еще кругом – большевики, меньшевики, кадеты? Говорят, все должны быть равные. А вот, выходит, одни – больше, другие – меньше. А есть еще и совсем маленькие: кадеты. Раньше в Тифлисе были кадеты – военные мальчишки, а сейчас – идет старик с седой бородой, и про него говорят: кадет. Вот как все перепутали!

Тверцов улыбнулся при последних словах армянина и отвернулся к окну. Таких откровенных рассуждений, с критикой новых властей и руководителей масс, он слышался немало в дороге от самого Петрограда. Большевистская слежка за населением еще не была достаточно организована.

Поезд снова двинулся в путь, направляясь к Тифлису вдоль южной стороны долины Поры. Хотя был январь, в степи зеленела трава, мелькали вдаль какие-то белые точки – возможно, цветы. С одной стороны, к северу, в туманном горизонте неясно очерчивался горный дагестанский массив; с другой стороны, к югу, шли холмистые предгорья армянской возвышенности, откуда в долину стекали многочисленные реки. Уже проехали станции Акстафу и Пойли, где вплотную к железной дороге подошли мутно-желтые воды Куры. В купе стало тихо. Армянин задремал, грузин тоже.

Прислонив голову к стенке вагона, Тверцов рассеянно смотрел на Куру, перешедшую теперь на южную сторону, и продумывал план действий на ближайшее время. Так как из-за пересадок пришлось задержаться в пути, остановку в Тифлисе можно сделать только дня на два; иначе родители будут в Батуме очень тревожиться. Кроме того, жить эти дни он будет у Павловых, дальних родственников матери; и, хотя Павловы очень гостеприимны и сами часто гостили у Тверцовых, однако люди они не богатые, стеснять их неудобно, особенно теперь, когда все стало так дорого.

Но побывать в Тифлисе обязательно нужно. Уже только для одного того, чтобы повидаться с друзьями – гимназическими товарищами, Женей Хачатуровым и Шалвой Микеладзе. Где сейчас находится Шалва, неизвестно; но Хачатуров – в Тифлисе. Не так давно Тверцов получил от него в Петрограде письмо, в котором тот сообщает, что осенью не поехал в Харьков продолжать учение, а поступил на службу в одно тифлисское страховое общество, чтобы помочь своей больной матери.

Нет, нельзя проехать мимо и не навестить друзей. Тем более что со времени окончания гимназии он ни разу не видел их, так как на каникулы ездил обычно в Батум через Новороссийск.

Тверцов смотрел в окно на деревья, кусты, скалы, проходившие мимо в плавном танце под аккомпанемент стучащих колес; и постепенно мысли перекинулись из тревожного настоя-

щего в беззаботное прошлое. Вспомнился гимназический пансион, товарищи, преподаватели, выпускные экзамены...

Шалва Микеладзе и Хачатуров тоже были пансионерами. Все трое подружились уже в младших классах; сидели за партами рядом, вместе устраивали по воскресеньям с разрешения начальства экскурсии в окрестности города. Он, Тверцов, и Хачатуров учились хорошо, шли одними из первых; что же касается Микеладзе, то наука давалась ему не легко – хромал он по всем предметам, кроме гимнастики. На уроках оба приятеля всегда усиленно подсказывали своему другу, оберегая его от двоек и единиц; а особенно опекали они Шалву на переходных экзаменах, подкидывая ему решения задач или сочинения по русскому языку: они искренно боялись того, что Шалва останется в классе на второй год и этим разрушит их прочный триумvirат.

И как ясно помнит он, Тверцов, торжественный товарищеский ужин в ресторане на «Вере» после окончания выпускных экзаменов! На ужин были приглашены преподаватели, даже сам директор. Директор, правда, ужинать не остался: выпил стакан вина, сказал несколько слов о высоком предназначении молодежи во всем мире, в частности в России, и уехал. А батюшка был. И француз тоже. И латинист, и математик, и учитель русского языка.

В начале вечера Тверцов, Шалва и Хачатуров сидели возле преподавателя математики – Артемия Сергеевича, почтительно обсуждая с ним вопрос о выборе факультета. Сам Тверцов твердо решил идти на физико-математический, так как по математике был в классе первым учеником и, кроме того, уже с шестого класса увлекался астрономией. У него дома, в Батуме, была даже своя подзорная труба, купленная за двадцать пять рублей, при помощи которой, во время каникул, он недурно изучил звездное небо. Артемий Сергеевич вполне одобрял намерение Тверцова сделаться в будущем астрономом; однако, когда после нескольких рюмок водки и стаканов вина молодой астроном откровенно заявил, что сделается впоследствии директором Пулковской обсерватории, учитель испуганно крикнул и заговорил с Хачатуровым. Но Хачатуров тоже оказался весьма требовательным к своему будущему. Так как в своем классе он лучше всех знал древние языки, то он поступит на историко-филологический и сделается профессором классической филологии. Но не таким, какими бывают десятки и сотни, а, разумеется, знаменитым, лучшим знатоком греческих и римских древностей.

– Ну, а ты, Шалва, что? – разочаровавшись в скромности Хачатурова, обратился Артемий Сергеевич к Микеладзе. – Надеюсь, профессором математики не сделаешься?

Будучи старым преподавателем, он к ученикам всех классов обращался на «ты».

– Нет, – твердо заявил Шалва.

– А куда поедешь?

– Может быть, в Сельскохозяйственный институт, Артемий Сергеевич. А может быть, в кавалерийское училище.

– Тогда иди, брат, лучше в ветеринары, – усмехнувшись, посоветовал преподаватель. – Это сразу и к сельскому хозяйству имеет отношение, и к кавалерии. А между прочим, дорогой мой, – лукаво добавил он, – теперь дело прошлое, аттестат ты уже получил... Скажи: ведь ты на экзамене решение задачи списал? Верно?

– Списал, Артемий Сергеевич, – со вздохом согласился Шалва.

– Сомнений у меня никаких не было, – добавил учитель. – Но как удалось? Я все время ходил вокруг тебя, следил, но ничего заметить не мог.

– Это меня в Елизаветполе один фокусник из цирка научил. Резиновая тесемка внутри рукава прикрепляется... Вы уж простите, Артемий Сергеевич, честное слово, больше не буду! Выпейте со мной вина, если не сердитесь.

– Ах ты, разбойник! Мало того, что обманул, еще смеется над стариком! Ну, хорошо, наливай.

Вторую половину ужина Тверцов не так ясно помнит, как первую: товарищи, особенно кавказцы, все время заставляли пить. Но все-таки вспоминается, что в ресторане становилось шумнее и шумнее, воздух был синим от папирос. Хачатуров ни с того ни с сего встал и начал декламировать оды Горация. Сам Тверцов, вдохновляемый примером Хачатурова, тоже встал, громко заявил всем присутствовавшим, что Земля несется вокруг Солнца со скоростью двадцать семь верст в секунду, но что это еще ничего, так как скорость, с которой вся Солнечная система мчится к созвездию Геркулеса, значительно больше. Что же касается Шалвы, то, охваченный чрезвычайной жизнерадостностью после выпитого вина и не зная, куда израсходовать накопившуюся за эти часы энергию, он схватил со стола несколько ножей и, держа их в руках, исступленно начал танцевать лезгинку с кинжалами, принудив к бегству из зала последние остатки преподавательского состава. И что было потом – Тверцов уже совершенно не помнит. Кажется, кто-то кричал, кто-то плакал, кто-то кого-то бил.

Да, хорошее было время!

Николай блаженно улыбался, глядя в окно. А там тоже – точно тени чьих-то чужих воспоминаний – проходили полосы вспаханных полей, сети оголенных ветвей гигантских чинар, каменные морщины обрывистых гор. По мере приближения к Тифлису вид местности становился более жизнерадостным. Встречались любовно расчерченные ряды виноградников, дома, окруженные фруктовыми садами. Здесь совсем не то, что там, раньше, вблизи Каспийского моря, где все вокруг такое унылое, пустынно-желтое, едва скрашенное редкой растительностью.

А какую чудесную прогулку совершили приятели втроем после выпускных экзаменов, перед тем как разъехаться по домам!

Это было даже интереснее товарищеского ужина. Он, Тверцов, помнит все детали этой экскурсии.

Николай и Хачатуров были одеты в новенькие студенческие тужурки. Что же касается Шалвы, то он нарядился в штатское платье – отчасти из либерализма, отчасти оттого, что не знал, какую форму будет носить. Перекинув через плечи мешки с провизией и кое-какими вещами, приятели дошли пешком до станции Авчалы и там стали взбираться на высокую лесистую гору, у вершины которой находился заброшенный монастырь Иоанна Зедазенского. Приходилось преодолевать цепкие заросли ежевики, взбираться на скалы, хвататься за стволы и ветви деревьев, продвигаться по каменистым руслам бывших зимних потоков.

В монастыре не оказалось никого – даже сторожа. Старая церковь, покрытая плесенью, обвитая в некоторых местах лианами, была заперта. Но тут же, на площадке, в стороне находилось низкое длинное здание, в которое можно было свободно войти. Внутри не было ничего, кроме старых, изъеденных червями скамеек и покрытых пылью нар вдоль серых каменных стен. Очевидно, это строение служило когда-то гостиницей для богомольных паломников.

Сложив тут свои вещи, приятели отправились осматривать вершину горы.

– Отсюда, наверно, будет хороший вид на Тифлис, – авторитетно сказал Шалва, подходя к одному из обрывов.

Он раздвинул кусты прошел несколько шагов и удивленно воскликнул:

– Вот так штука! Ничего нет!

Над той котловиной, в которой находился Тифлис, клубились густые грозовые тучи. Точно стадо фантастических чудищ, сжатых тесниною гор, в немоном беспорядке толпились они в глубоком воздушном провале. Изгибались темносиние мохнатые спины, вздымались бесформенные волосатые головы, сверкая золотой сединой в лучах заходившего солнца.

– Какая красота! – сказал со вздохом Тверцов.

– Да, но жалко, Тифлиса не видно, – тоже со вздохом добавил Шалва.

– Ничего, не пропадет, завтра увидим, – весело заметил положительный Хачатуров. – Идем назад, соберем сухих веток, пока не темно.

До позднего вечера друзья просидели возле костра. Ночь здесь, на высоте, наступила холодная. Чтобы согреться, приходилось все время подбрасывать новые сучья. При каждой вспышке огня погруженные во мрак деревья будто бы придвигались к костру, протягивая со всех сторон озябшие ветви. Серым призраком вырастала из тьмы заброшенная старая церковь. А сверху сквозь листву время от времени прорывалась зарница, и где-то ей в ответ неясно рокотал гром.

Беседа у костра велась главным образом о планах на будущее. Все трое, конечно, хотели бы поехать в один и тот же университетский город; но, к сожалению, осуществить это было нельзя. Хачатуров, получив золотую медаль, имел право на кавказскую стипендию; а стипендия эта обязывала к поступлению только в провинциальные университеты. Тверцов, получивший серебряную медаль и не претендовавший на стипендию, мог ехать куда угодно; но в Петрограде у него были дальние родственники, соглашавшиеся взять Николая к себе за скромную плату, и мать настоятельно просила его учиться там: ей так будет спокойнее. А что касается Шалвы, то отец обязательно хотел, чтобы сын не шел в кавалерийское училище, а поступил в Сельскохозяйственный институт в Москве.

К ночи на Тифлис обрушилась гроза. Нежные зарницы превратились в неистовую огненную бурю; тихий рокот грома – в яростный грохот и треск. Подойдя осторожно к обрыву, приятели с любопытством смотрели в сторону невидимого города. Там, сшивая тучи раскаленными нитями, вспыхивали голубые и розовые молнии; падали в пропасть извивы огней, обрушивались стремительные стрелы, ведущие за собой оглушительные короткие взрывы. В волнах света внезапно озаренные тучи строили причудливые замки, дворцы, создавали волшебные сады с пламенными цветами, с горящими водопадами. И мгновенно все проваливалось в черную пустоту ночи до новой игры.

С наслаждением выпавшись на голых нарах заброшенной монастырской постройки, молодые люди позавтракали, полюбовались видом на город, над которым теперь не было ни одного облачка, и стали осматривать склоны горы, намереваясь найти отсюда спуск в сторону Мцхета.

Однако с запада, куда было бы идти ближе всего, площадка монастыря обрывалась почти вертикально. Деревья вперемежку с кустами висели над пропастью, цепляясь корнями за выступы скал. В глубоком мглистом ущелье белой царапиной по каменистому дну тянулся горный поток. В синих тенях раннего утра поднимались над ним зубчатые утесы соседней горы; зеленой стеной шла вверх громада густого лиственного леса; и у самой вершины, в лучах восходящего солнца, сверкали высокие скалистые выступы, точно развалины крепости, с горделивыми башнями, с бойницами в углублениях камня.

– Это не Арагва, – глядя вниз, сказал Тверцов. – Она, наверно, за этой горой.

– Должно быть, – согласился Шалва. – Да здесь и спускаться нельзя. Никаких жилищ и дорог нигде не видно.

Он посмотрел на тянувшийся возле него выступ площадки, увидел обломок скалы, лежавший над самым обрывом, и по лицу его пробежала радостная улыбка.

– А знаете, господа? – весело произнес он. – Это было бы очень интересно: спихнуть такую штуку вниз!

– Какую штуку? – с тревогой спросил Хачатуров.

– А этот камень. Чего он торчит тут? Подождите-ка!..

Не успели Тверцов и Хачатуров возразить, что это дико, что можно случайно убить в ущелье какого-нибудь пастуха или охотника, как Шалва быстро лег на землю, протянул вперед ноги и, напрягши мускулы, толкнул обломок скалы в пропасть. Послышался один глухой удар, другой... Раздался жалобный треск ломающихся деревьев, гул увлеченной вниз лавины мелких камней.

– Сумасшедший! – воскликнул Тверцов. – Ты сам чуть не соскользнул вслед за ним!

Он с возмущением отошел в сторону и двинулся вдоль площадки к пологому спуску, поросшему высоким кустарником. Здесь оказались следы какой-то тропинки. Пробираясь по ней, Николай увидел среди деревьев небольшую часовню. Зеленая лужайка, усыпанная яркими цветами, окружала ее.

– Пойдем посмотрим, что внутри, – предложил Тверцов, когда Хачатуров и Шалва присоединились к нему.

Все трое вошли в часовню, у которой уже не сохранилось ни двери, ни окон. В глубине, на стене, висела небольшая икона, почерневшая, пыльная, на которой нельзя было ничего разобрать. Перед нею на каменной глыбе, грубо отесанной в виде аналая, лежала плита, тоже из камня, а на плите покоился человеческий череп.

– Хороший вид отсюда, – сказал Женя, выглядывая в дыру, где раньше было окно. – Вот тут уже, должно быть, ущелье Арагвы.

– А чей это череп? – заинтересовался Тверцов, благоговейно остановившись на некотором расстоянии от каменного аналая. – Едва ли самого Иоанна Зедазенского.

– Ну, разумеется, – согласился Хачатуров. – Монахи не оставили бы его здесь.

Тверцов подошел поближе и перекрестился. Женя последовал его примеру. А Шалва, у которого радостная удаль после сброшенного в пропасть камня еще не прошла, пренебрежительно взглянул на череп и весело проговорил:

– Все равно. Даже если это и Иоанна Зедазенского, кому он теперь нужен? Если кто украдет, то только студент-медик.

– Ну-ну, – укоризненно произнес Тверцов. – Оставь, пожалуйста, свой глупый тон.

– Чего оставь? Раньше, конечно, человек был. Мозги находились внутри. А теперь что? Пусто!

Он неожиданно протянул руку к черепу и громко щелкнул по лбу пальцем.

– Не смей! – Тверцов с испугом оттолкнул руку приятеля. – С ума сошел?

– Отчего с ума? – усмехнулся Шалва. – Ничуть не сошел. Я просто так...

Он качнулся на месте, как-то странно протянул вперед руки и растерянно добавил:

– С научной... точки... только... Поддержите меня. Голова закружилась...

Встревоженные друзья взяли Микеладзе под руки, усадили на землю и прислонили к стене. Николай хотел было сказать, что это Бог наказал за кощунство, но промолчал. Шалва должен был сам вывести подобное заключение. Он несколько минут неподвижно сидел у стены, закрыв глаза и судорожно опираясь в землю руками.

– Ну что, лучше? – участливо спросил Хачатуров, когда Микеладзе со вздохом приоткрыл наконец глаза.

– Да... Немножко...

– Перекрестись, – посоветовал Тверцов. – Ты ведь сам понимаешь, в чем дело.

– Но я же не серьезно, – жалким голосом пробормотал Шалва. – Я просто... пошутил только...

– Ну и покайся.

– Хорошо... Если действительно грешно, я могу...

Он медленно поднял правую руку и неуверенным движением перекрестился.

– Вот и отлично. – Николай повеселел. – Увидишь, скоро пройдет. Я помню, как-то батюшка на мой вопрос о том, почему Бог очень часто оставляет негодных людей безнаказанными, ответил: «На земле Господь наказывает за грехи только тех, кого считает своими детьми. А всякие негодяи для него – уличные мальчишки, с которым не стоит возиться». Значит, ты для Бога – сын, если Он тебя за твое хулиганство сразу наказал.

– Ну, пошел рассуждать! – Шалва устало улыбнулся. – Сейчас мне правда значительно лучше. Только маленькая слабость осталась... Но все это, наверное, оттого, что слишком тяжелый камень столкнул.

Он приподнялся, постоял немного на месте, точно проверяя свою устойчивость, и направился к выходу. Чтобы дать возможность ему вполне оправиться после припадка головокружения, приятели решили посидеть немного на лужайке, прежде чем отправиться в дальнейший путь. Трава здесь росла необычайно яркая, с изумрудным отливом; огромные пушистые скабиозы, розовые, голубые и фиолетовые, достигающие таких размеров только на горных высотах, чередовались с ромашками, походившими на лучистые белые звезды; вместе с диким цикорием, с гроздьями синих и голубых колокольчиков все это сливалось в живую многоцветную ткань. А в стороне, под легким утренним ветром, плескались листья буков и грабов, и в зеленых недрах листвы суетливые птицы перекликались о заботах наступившего дня.

Некоторое время все трое молчали. Микеладзе сидел, опустив голову, рассматривая стебли травы; Хачатуров рассеянно срывал попадавшиеся под руку цветы и бросал их в разные стороны; а Тверцов задумчиво смотрел на сверкавшую вершину соседней скалистой горы.

– Хорошее место выбрали эти монахи для своего монастыря, – заговорил наконец он. – Вообще, основатели монастырей обращают внимание на красоту окружающей природы. Чтобы религиозное чувство подкрепить эстетическим.

– Да, конечно, – согласился Хачатуров.

– В этом отношении монастыри имеют нечто общее с астрономическими обсерваториями, – продолжал Тверцов. – И тем и другим нужно быть ближе к Богу. Сами-то астрономы этого иногда не сознают, но все равно так выходит. А материалисты думают, что наука уничтожает религию.

– Глупости они думают, – пренебрежительно сказал Хачатуров. – Наша наука много столетий уже существует, а разве от этого верующих стало меньше? Вот, возьми: сколько человек на земле веруют в то, что для распространения света необходим гипотетический эфир? Только те, которые окончили гимназии, реальные училища, корпуса и вообще средние заведения... Сколько может быть таких? Ну, десять миллионов, ну, двадцать. А сколько людей веруют в Бога и в разных богов? Полтора миллиарда! Да и многие ли из проходивших физику помнят долго об эфире? Между прочим... Шалва, ты еще не забыл, что такое эфир? – обратился Хачатуров к Микеладзе, который без особого интереса слушал беседу своих товарищей.

– Конечно, не забыл.

Шалва как будто немного обиделся.

– А что же это такое?

– Ну, что... То, которое кладется в валериановые капли.

Чтобы не конфузить Микеладзе, оба приятеля даже не улыбнулись и, внимательно поглядев друг на друга, продолжали беседовать. Сначала о религии, затем о морали, о любви к ближним и, наконец, о любви вообще.

– Любовь мужчины и женщины вообще мало стоит, – пренебрежительно сказал Шалва, приняв наконец участие в общем разговоре. – Сегодня муж жену любит, завтра бьет, послезавтра опять любит, а через неделю вдруг убивает. Разве это любовь? Чепуха!

– Ну а любовь друзей друг к другу ты признаешь? – с ласковой внимательностью спросил Тверцов, который из вмешательства Шалвы в беседу вывел заключение, что тот чувствует себя уже совсем хорошо.

– Дружба – дело другое, – серьезно, даже с каким-то благоговением, ответил Микеладзе. – Настоящий друг – всегда друг. В простой любви люди легко могут обманывать, а в дружбе – нет. Иначе уже и дружбы не будет.

– Это верно, дружба – одно из самых высоких человеческих чувств. Конечно, она тоже – особый вид любви, но самый чистый, можно сказать. А вот, кстати, наша дружба... Мне пришла в голову мысль: давайте обещаем друг другу каждое лето во время каникул встречаться здесь, на Кавказе!

– Это верно! – восторженно подхватил Микеладзе. – Очень хорошо! Приезжайте, например, ко мне оба в будущем году в Елизаветполь!

– Идея действительно прекрасная, – сочувственно произнес Хачатуров. – Только надо, чтобы не было никаких неожиданностей. А мало ли что может за это время произойти. Необходимо прежде всего списываться друг с другом, держать в курсе, знать адреса... Да и потом, Шалва, боюсь я, что ты совсем не будешь писать нам.

– Отчего не буду? Еще неизвестно, кто будет больше писать. Это не сочинения по русскому языку! А если хотите, могу клятву дать. Пожалуйста!

Он помолчал и продолжал уже в более миролюбивом тоне:

– Вот, помню я, один раз летом, кажется, перешел я тогда в пятый класс, отец мой ездил по делам в Дагестан и взял меня с собой. Так там, в одной деревне я видел, как два чеченца давали друг другу клятву быть верными кунаками всю жизнь. Жаль, что мы из-за своего дурацкого образования не можем употребить для себя такой обычай.

– А отчего не можем? – возразил Тверцов. – Образование тут ни при чем. Тут уже область не науки, а мистики. Действительно, господа! – оживленно добавил он. – Эта мысль мне нравится. Давайте мы тоже поклянемся!

– Ну что ты, Николай? – Хачатуров иронически улыбнулся. – Ведь мы же не пятиклассники, которым хочется бежать в Америку к индейцам.

– А при чем тут индейцы, когда у нас на Кавказе тоже свои обычаи? – недовольно произнес Шалва. – Мы же кавказцы!

– Конечно, – подтвердил Тверцов. – А некоторый ритуал, так сказать, сами можем придумать. Вот что! Мы сделаем это в часовне!

– В часовне? Там? – Шалва встревожился.

– Ну да. Разве не подходящее место? Наша клятва тогда примет до некоторой степени религиозный характер.

– Боюсь, что все это немного по-детски... – нерешительно проговорил Хачатуров. – Ведь мы уже взрослые люди и к таким вещам должны все-таки относиться серьезно.

– А разве взрослые люди не приносят присяги?

– Приносят, конечно. Но там кладут руку на Евангелие, на Коран... И в присутствии своего священника. А мы? Впрочем, в принципе не возражаю. Как против символа...

– Вот и отлично. А место это как-никак тоже священное. Положим наши руки на каменный аналой, возле черепа... И союз будет вполне освящен. Шалва, ты, конечно, согласен?

– Я? – Шалва смутился. – Разумеется. План мне... это самое... очень нравится. Только...

– Что?

– Только, вы думаете, голова... не закружится?

– Ах, вот что! – Тверцов улыбнулся. – Нет, брат, можешь быть совершенно спокоен. Теперь ведь ты подойдешь с благоговейным чувством. Ну, идемте, господа, внутрь!

Они все трое двинулись по направлению к часовне.

2

Неожиданный шум и крик в коридоре вагона оборвали нить воспоминаний. Тверцов отвернулся от окна и начал прислушиваться. Дремавший армянин раскрыл глаза, недовольно посмотрел в сторону двери. Грузин встал, с любопытством выглянул в проход.

– Что там такое? – спросил армянин.

– Пьяный матрос кричит, – с пренебрежительной улыбкой ответил грузин. – Подождите, пойду посмотрю.

Он медленно стал протискиваться сквозь толпу пассажиров в коридоре, отсутствовал довольно долго и вернулся только тогда, когда крики затихли.

– Ну как? – с презрительным равнодушием обратился к нему армянин. – Никого не зарезал?

Грузин с веселым видом сел на свое место.

– Слава богу, только хотел убить, но не убил. Когда махал своим револьвером, кто-то сзади схватил его руку, вытащил и выбросил револьвер за окно. Потому матрос и кричал. Драться начал, только не знал с кем.

– И что им, этим матросам, надо на железной дороге? – пробурчал армянин. – Сейчас их столько ездит, что нельзя сказать: поезд идет или пароход. А что ему нужно было? Зачем махал?

– Место себе требовал. Говорил, что он – важный комиссар из Петербурга и имеет право не только сидеть на скамейке, но лежать тоже. А вместо этого стоит, как обыкновенный человек. Он в Пойлы в наш вагон влез.

– Ну и что ж такого? – вмешалась в разговор старшая из двух русских женщин, сидевших против грузина возле двери в коридор. – Ежели он действительно начальник, он имеет полное право требовать места. Довольно при царизме буржуи, растянувшись, лежали, а простой народ, переминаясь, стоял. Можно, наконец, и пролетариату полежать тоже.

– А что? Дали ему место? – пренебрежительно покосившись в сторону защитницы матроса, спросил армянин грузина.

– Да. Один господин встал и ушел. Матрос очень к нему приставал из-за шубы с мехом. Говорил, что в Тифлисе прикажет его расстрелять.

– Так. Эх, эх! Что делается! Только – дурак этот господин. Почему ездит в шубе, когда царя нет?

– Ну, насчет царя, пожалуйста, вы здесь не говорите, – снова вмешалась в беседу русская женщина. – Мне даже очень противно видеть такую несознательность. Поучитесь вот у ученых студентов. – Она кивнула на Тверцова, внимательно смотревшего на нее. – Они вам скажут, что сейчас вся наука начисто стоит за революцию и социализм, который нас приведет в светлое будущее. Верно, товарищ студент?

– Нет, не верно, – покраснев, ответил Тверцов. – Наука не имеет никакого отношения к революции.

– Хе-хе! – радостно рассмеялся грузин, торжествующе глядя на поборницу светлого социализма. – Что скажете, а? Видите?

– Ничего не вижу. Мне только очень странно, что студент может так говорить. У нас, в Нахаловке, студенты все стоят за свободу. Раньше на нашей фабрике работники и работницы были люди насквозь темные, не понимали ни аннексий, ни контрибуций... А вот как стали ходить к нам студенты да разъяснять, что такое капитал да что такое прибавка, так сразу у всех глаза и раскрылись. Машины мы поломали, работать бросили... И теперь нам страшно даже вспомнить, сколько этот подлец хозяин у нас крови выпил.

– Ох, мадам, мадам, – снисходительно глядя на работницу, произнес армянин. – Что вы говорите – кровь, кровь. Лицо у вас, слава богу, толстое, руки жирные. Большая беда, ежели хозяин иногда у вас стакан крови брал и пил. А может быть, выпивал за ваше здоровье?

– Пожалуйста, будьте любезны надо мною насмешек не строить! – Работница надменно подняла голову. – Лицо у меня совершенно не толстое, извиняюсь, а руки так от изнеможения, от долгого рабства. И притом прошу не называть меня мадам. Теперь ни мадамов, ни господ нет, а есть только товарищи.

– Го-го! Верно! – рассмеялся грузин. – Да. Только не надо много спорить, господа. Сейчас вся Россия спорит, а что выходит? И у меня дома тоже... Сын студент – социалист. Тоже все время споры. Эх, давайте лучше покушаем что-нибудь. У меня вино есть, жареная курица, чурек. Белого хлеба, правда, нет, но что делать!

Он достал из-под сиденья цветной мешок, начал вытаскивать бутылки, свертки с едой. Затем, развернув бумагу, вынул курицу, разрезал на куски и разломал на несколько частей плоский кукурузный чурек.

– Пожалуйста! – с добродушной улыбкой обратился он к обеим русским работницам, протягивая по куску чурека с курицей. – Кушайте!

– Спасибо, не хочу, – сухо ответила старшая.

– Отчего не хочу? Ешьте, будьте любезны. Курицу сейчас трудно найти. Маленький кусочек!

– Ну, хорошо. Только половину.

– Нет, нет, не беспокойтесь, всем хватит. Это – белое мясо. А это вам, мадам. Виноват: товарищ.

– Спасибо, – благосклонно ответила вторая работница, более застенчивая и более миролюбивая, чем ее соседка. – Курицы я давно не ела. Это теперь как пирожное или бланманже.

Грузин раздал еду всем находившимся и внизу и наверху, на спальных местах. Затем раскупорил бутылки. Единственный стакан, наполняемый каждый раз вином, стал переходить из рук в руки. Завязался общий разговор.

– А вот, подождите, господа, – с хитрой улыбкой проговорил армянин, нагибаясь и вытаскивая из-под сиденья корзину. – У меня на закуску есть немножко сладкого. Это – я не скажу ананас или шоколад, но все-таки...

Он осторожно покопался в корзине, чтобы не обнаружить ее содержимого; недовольно взглянул на жену, которая предостерегающе толкнула его ногой, и извлек из глубины длинную толстую чурчелу.

– Эриванская! – с гордостью сказал он. – Сейчас каждая штука – двенадцать рублей пятьдесят копеек. А сколько всех человек? Надо сломать на кусочки. Пожалуйста, передавайте... Вот сюда. Вот туда... Кушайте! Все получили?

– Да, да... Спасибо, – раздались голоса.

– Очень хорошая, – любезно обратился к армянину грузин. – Да. А вот, знаете, мой сын, студент, который в Москве учится, он говорит, что все на свете – товар. И хлеб, говорит, товар; и деньги, говорит, товар, и рабочие тоже товар. Раньше, когда учился в гимназии, был умный мальчик, как все. Я думал, когда кончит учиться, агроном будет. Это – ученый, который знает, где какие растения надо сажать, где пшеницу, где – кукурузу, и вообще. А вместо этого – понимаете что? Меньшевик стал! В первый год, когда приехал из Москвы, было еще ничего. Говорил только, что я буржуй, потому что купец, имею винные склады. В другое лето приехал и сказал, что я нечестно зарабатываю деньги, что я, это самое, как называется, – паразит. Вроде как клоп или блоха. Что, когда будет социализм, тогда никто не будет иметь склады или магазины, а все будет продавать правительство: и вино, и хлеб, и хурму тоже. Я слушал все это,

слушал и сказал наконец: хорошо, кацо¹, пускай будет так. Только, ежели ты думаешь, что я нечестно зарабатываю, зачем ты берешь деньги от меня? Работай сам, пожалуйста! Нет, говорит, ты должен мне присылать, потому что я думаю не о себе, а о всех людях вместе. Мне, говорит, некогда самому зарабатывать. Потом, говорит, я вовсе не просил тебя и мать родиться у вас. Вы мне обязаны платить штраф за это дело. Ну а третий год приехал, когда революция, – что было! Такие слова говорит, никто понять не может.

– Ну да, они нарочно всякие слова выдумывают, чтобы уважения больше было, – поддакнул армянин.

– «Шалва, – говорю я, – продолжал грузин, – отдохни немножко от твоей головы. Пойди в Муштаид², погуляй. Я деньги тебе дам». – «Какой Муштаид, – отвечает, – когда мы для всего Кавказа счастье устраиваем! Вот, ты думаешь, сын с ума сошел, а увидишь – я скоро помощником министра буду. Сейчас кто знает Шалву Микеладзе? А скоро узнают все. Мы для нашей Грузии такую республику сделаем, что всем будет завидно. Французы будут приезжать из Парижа, узнавать, как это мы так устроили. И англичане тоже».

Старик продолжал говорить. Перешел со своего сына на общее положение в Закавказье, стал жаловаться на вздорожание продуктов. Армянин, в свою очередь, начал сравнивать цены этого года с прошлогодними, с теми, которые были перед войной. Оба охали, изумлялись, качали головами. Прежнее, довоенное время казалось им какой-то сказкой, которая больше никогда не осуществится.

А Тверцов, вначале рассеянно слушавший беседу соседей, при упоминании о Шалве Микеладзе насторожился. Какое странное совпадение! Конечно, фамилия Микеладзе часто встречается. Имя Шалва тоже распространенное. Но все-таки – студент, учится в Москве... Да и у старика есть что-то общее с Шалвой: высокий, широкоплечий; глаза – большие, черные; нос прямой, без горбинки...

– Простите, месье, – смущенно обратился Тверцов к грузину, когда тот вдоволь наговорился со своим собеседником о нынешнем положении вещей и, глубоко вздохнув, смолк. – Вы, кажется, говорили о вашем сыне Шалве, московском студенте... Он учится в Сельскохозяйственном институте?

Старик встрепенулся.

– Да, в этом самом... Сельскохозяйственном, – радостно ответил он.

– А учился в тифлисской первой гимназии?

– Да, в первой. А вы его знаете?

– Может быть, он – мой товарищ по классу? Ваш Шалва был пансионером?

– Ну да! Пансионером!

– Только... Насколько я понял, вы живете в Тифлисе, а родители моего товарища – в Елизаветполе.

– Так это как раз мы! – Старик от удовольствия заерзал на месте. – До прошлого года жили в Елизаветполе, а потом уехали в Тифлис. А извините, пожалуйста, можно узнать, как ваша фамилия?

– Тверцов.

– Тверцов? Так это вы – Тверцов? Как я рад! Шалва прежде столько о вас говорил! Помните, я один раз вам посылку с гузенаками прислал. Вы же его самый хороший товарищ были!

– Да, мы с ним большие друзья. Очень приятно познакомиться с вами. Завтра я намеревался как раз зайти к нему. Может быть, вы предупредите его, чтобы до обеда был дома, а то послезавтра я уже еду дальше, в Батум.

¹ Кацо – друг по-грузински. (Здесь и далее примеч. редд)

² Му ш таи ди – парк в Тифлисе.

– Как? Так скоро в Батум? Один только день в Тифлисе? О, это жалко! Шалва вас не пустит... А где вы будете жить в Тифлисе, если можно спросить?

– У родственников... На Кировой улице.

– Послушайте, господин Тверцов! – Микеладзе протянул руку. – Можно вам сказать одну просьбу? Сделайте нам с Шалвой одолжение! Не езжайте к родственникам! Езжайте к нам! Честное слово!

– То есть как? – Тверцов растерялся.

– Живите у нас! Правда! Квартира моя – большая, будет для вас своя комната, кушать есть что, я из деревни много получаю. А Шалва будет так рад, я – тоже. Пожалуйста, не надо родственников!

– Очень тронут, месье Микеладзе... Но все-таки я родственников уже известил письмом. А кроме того, мне неудобно стеснять вас...

– Стеснять! Вы будете стеснять? Так это для меня праздник! Товарищ сына! А потом – вы пользу нам сделаете: Шалве надо, чтобы с ним разговаривали не большевики и не меньшевики, а настоящие люди... Ученые. Ну, что? Хорошо? Пожалуйста! А я одно вино вам дам... Такое вы нигде не достанете: как смола. стакан выпьешь – и прямо на кровать падаешь! А где ваши вещи? Большой багаж? Ах, как я рад!

3

Фаэтон остановился возле скромного одноэтажного дома на набережной Куры, недалеко от Верийского моста. Дверь открыла старая служанка-грузинка с черной кружевной наколкой на голове.

– Шалва дома? – спросил по-грузински хозяин, втаскивая мешки и корзины в переднюю.

– Да, батоно³.

– Ну вот, хорошо. Идемте, дорогой, – обратился он к Тверцову. – А скажите, пожалуйста, как вас звать? Я забыл спросить.

– Николай Петрович.

– А меня... Арчил. Арчил Иванович. Маро, – снова обратился он к служанке по-грузински, – приготовь нам чай, вино, сладкое. Извините, Николай Петрович, я не говорю с ней по-русски, она – из деревни. Необразованная, знаете.

– Ради бога... Я сам тоже немного понимаю по-грузински.

– Да? Очень приятно. А теперь подождите немножко здесь, я первый пойду к Шалве. Интересно – догадается, кого я привез?

Микеладзе с хитрой улыбкой на радостном лице осторожно прошел внутрь, слегка прикрыв за собой дверь и весело крикнул по-русски:

– Шалва! Иди сюда! Это я!

В глубине коридора через некоторое время послышались медленные шаги.

– Отец? – довольно равнодушно произнес по-грузински Шалва. – Уже приехал? Здравствуй.

– Здравствуй, дорогой мой. Я только приехал не один, а с господином, которого ты очень любишь. Угадай – кто?

– С господином? Какой господин? Гогоберидзе?

– Нет, не Гогоберидзе. Русский молодой человек.

– Степанов?

– А вот пойді посмотри, какой Степанов!

Шалва, что-то ворча под нос, направился к двери, распахнул ее и обомлел.

– Николай! Коля! – восторженно воскликнул он.

– Здравствуй, брат. Не ожидал?

– Вот сюрприз! Замечательно! Дай поцелую! А откуда? Подожди... Идем внутрь... Ну и подарок! Ты просто молодец, папа!

Расцеловавшись с Тверцовым, растроганный Шалва обнял отца и тоже поцеловал. Лицо старика засияло от счастья при этой неожиданной нежности со стороны сына.

– Вот видишь... – надтреснутым от волнения голосом заговорил Арчил Иванович. – Я не напрасно уговаривал. На железной дороге познакомились. Понеси вещи Николая Петровича.

Шалва за эти три с половиной года значительно изменился. Возмужал, пополнился, стал носить усы; на голове, вместо прежних коротко стриженных волос, красовалась мохнатая черная шевелюра. Одет был довольно странно: сапоги, вдетые в них брюки военного покроя, а сверху – простая, наглухо застегнутая темно-синяя куртка. Рад он был приезду друга чрезвычайно: хлопал по плечу, любовно заглядывал в глаза, заботливо помогал устраиваться в комнате, сам лил ему на руки воду, когда тот мылся. А в промежутках между этими хлопотами расспрашивал друга о жизни и занятиях его в Петрограде.

³ Батоно – господин, товарищ, уважаемый, вежливое обращение к собеседнику в грузинском языке.

– Да, жаль, что этот год у тебя пропадает, – сочувственно сказал он. – Ну а что касается меня, то после лета я в Москву вообще не возвращался. Здесь у нас очень интересная работа. Занимаюсь в комиссии по организации Закавказского сейма. А что ты будешь делать в Батуме?

– Да что... Наверно, помогать отцу на его плантации. Кроме того, немного заниматься астрономией. Взял с собой кое-какие книги.

В столовой был приготовлен чай с многочисленными закусками и кавказскими сладостями. Арчил Иванович извинился перед гостем, что еды мало, но это он сделал нарочно: скоро будет ужин, не следует портить аппетита. Выпив чаю, деликатный старик удалился к себе в спальню, чтобы не мешать друзьям беседовать. И Тверцов с любопытством стал расспрашивать Шалву о судьбе некоторых товарищей-одноклассников. Оказалось – одни стали добровольцами, ушли на фронт; другие – бросили университет, поступили на службу; один убит на войне, один умер в Киеве.

– Ну а как Хачатуров? – спросил Тверцов. – Он написал мне недавно, что служит здесь. Вы, конечно, часто встречаетесь?

Шалва смутился:

– Раньше да. Встречались часто. А теперь – не очень.

– Почему?

– Да как тебе сказать... Отношения немного испортились. Женя, оказывается, совсем не такой хороший товарищ, как мы с тобой думали.

– Ну что ты! Он такой благородный. Честный.

– Раньше и мне тоже так казалось.

– Может быть, на политической почве разошлись? Ведь ты, брат, меньшевиком стал? Верно?

– Да, я – меньшевик. А откуда ты знаешь?

– Арчил Иванович в разговоре со мной как-то вскользь упомянул. Но при чем в наших отношениях политика? Ведь я, например, монархист, правый, а от этого тебя не меньше люблю.

– Ну, конечно. И я тоже. Разве мне не все равно? Но Хачатуров – дело другое... Тут не политика. Впрочем, не стоит говорить, бог с ним!

– Жаль... Очень жаль. – Тверцов задумался. – А я обязательно хочу с ним повидаться. У меня адрес есть. Может быть, все-таки ты пойдешь к нему вместе со мной?

– Нет, Коля, я очень занят сейчас. Для тебя, разумеется, готов пропустить всякую работу. Это не в счет. Но вообще... У нас, в организационной комиссии, не дай бог что делается. Сейм нужно открыть в начале февраля, осталось две-три недели, а мы даже помещение окончательно не нашли. Думали во дворце бывшего наместника устроить, но необходимы всякие переделки. Придется собраться сначала в здании театра. А сколько возни с распределением мандатов! Нужно все рассортировать, проверить полномочия. Ведь десять партий – не шутка! Меншевики, эсеры, кадеты, социал-федералисты, Дашнакцутюн⁴, Муссават⁵, другие еще...

– А может быть, тебе сейчас нужно идти на работу? – встревожился Тверцов. – Ты, пожалуйста, не стесняйся. Мне тоже следовало бы зайти к родственникам, у которых я должен был остановиться.

– Ты думаешь? Ну, хорошо. Мне – только на часочек, недалеко: на Михайловскую. А тебе – куда?

– Мне тоже близко: на Кировную.

– Отлично. В таком случае выйдем вместе. Только возвращайся не позже восьми. Отец заказал к этому времени ужин, хочет тебя как следует угостить.

⁴ Дашнакцутюн («Содружество») – армянская политическая партия, основана в Тифлисе в 1890 г.

⁵ Мусават («Равенство») – политическая партия Азербайджана, основана в Баку в 1911–1912 гг.

Они вышли на набережную. Кура глухо шумела внизу, под темным откосом. По ту сторону реки вырисовывался силуэт темной горы, кое-где оживленной огоньками жилищ. Слева тянулась яркая нить фонарей Верийского моста, устремляясь вверх, вдоль крутого подъема. Далее, в сторону, во мглу наступившего вечера уходил мерцавший огнями нагорный берег. И наверху, далеко, яркой звездой светилась станция фуникулера.

– Что? Вспоминаешь? – любовно глядя на Николая, остановившегося возле спуска к Куре, спросил Шалва. – Уже три года здесь не был?

– Да... С гимназии.

– Хорошо, а? Эх, нет в мире города лучше Тифлиса!

Проводив приятеля до Михайловской улицы, Тверцов отправился к Павловым и вернулся к Микеладзе около половины восьмого. Шалва еще не пришел, но в столовой уже суетился Арчил Иванович, приготавливая вместе с Маро стол к ужину.

Радостно встретив гостя, старик отдал последние распоряжения служанке и отправился с Николаем в свою спальню. Комната была богато убрана коврами.

– У меня на стенке раньше были ружья и кинжалы, – с грустью сказал Арчил Иванович, усадив в кресло Тверцова и сев на тахту против него. – Только, когда был приказ сдать оружие, я не хотел показывать себя против начальства, снял все, повез в деревню и хорошо спрятал. Есть там у меня одна шашка, знаете... Этой шашкой мой дедушка во время войны отрубил голову у двадцати персиан возле Эривани.

Он поговорил немного о различных глупых мероприятиях, которые принимают в последнее время местные власти; вспомнил попутно, как хорошо жилось раньше; а затем, помолчав, встал с места, выглянул в коридор, вернулся и смущенно произнес:

– Вы извините меня, Николай Петрович... Но пока Шалва не пришел, я хочу попросить вас об одном одолжении. Можно?

– Ну что вы, Арчил Иванович, разумеется! А что именно?

– Я вижу, как он вас любит. Больше меня... – Старик вздохнул. – Вы знаете, после смерти матери он ни разу больше меня не поцеловал. Только сегодня, потому что я привез вас! – Арчил Иванович на мгновение смолк, чтобы не выдать голосом охватившего его волнения. Затем неожиданно положил руку на плечо Тверцову и умоляющим тоном добавил: – Сделайте, чтобы он не был социалист! Пожалуйста!

Николай смутился. Подобной просьбы, да еще в такой трогательно-наивной форме, он никак не ожидал.

– Сделай так? – растерянно пробормотал он. – Но это... едва ли возможно. Я, конечно, готов всей душой... Однако из-за дружбы со мной он едва ли переменит свои взгляды.

– Из-за дружбы, может быть, нет. Но вы можете ему объяснить, что это все – ошибка! А он вас уважает. Будет слушать, что вы говорите.

– Да, конечно, мы с ним, наверно, коснемся этого вопроса. Для вас я постараюсь как следует поговорить, привести все аргументы, какие знаю. Но имейте в виду, что все социалисты обычно очень упорны. Затвердят свой катехизис, и ничто уж их не собьет: ни примеры из жизни, ни логика.

– Боже мой, боже мой! – Старик сокрушенно покачал головой. – И кто испортил моего мальчика? Это – Москва! И зачем я его посылал туда? Но вы все-таки будете спорить?

– Да, обещаю.

К восьми часам вернулся Шалва, и все сели за стол. Несмотря на продовольственные затруднения, Микеладзе устроил ужин на славу. Раздобыл всевозможные закуски – сардины, шпроты, маринованные огурцы, грибы. Была водка, какая-то сливянка, сильно отзывавшаяся сивухой, вино различных местных марок. Старая служанка суежилась, приносила одно блюдо за другим: суп из красной лобии с мелко нарубленными орехами; жареное мясо, местную рыбу – соцхали, кисель из ежевичного сиропа. Затем появились всевозможные лакомства – гозенаки,

чурчелы, пастила в виде тонких листьев, персидские сушеные фрукты, пропитанные бараньим жиром.

Шалва во время ужина был очень оживлен. Видимо, развитие событий было ему по душе, и он ждал от них много хорошего.

– Война между союзниками и Турцией для Грузии теперь не имеет значения, – авторитетно говорил он. – Если союзники хотят дальше воевать, пусть воюют, это их дело. Мы же объявим нейтралитет. Правда, армяне вместе с русскими кадетами и эсерами стоят за союзников, а азербайджанцы – за турок; но мы, грузины, не желаем ни тех ни других.

– Нейтралитет! – пренебрежительно пробурчал Арчил Иванович, который не раз, наверно, слышал это слово от сына. – Хороший нейтралитет, когда все солдаты с фронта удрали!

– Мы с турками договоримся дипломатическим путем, – назидательно ответил, не глядя на отца, Шалва. – К нам из Трапезунда от Вехиб-паши уже приезжал эмиссар нащупать почву. Ты, может быть, Коля, не согласен с такой позицией нашей партии, но что же делать закавказским народам? Когда мы запросили большевиков, не могут ли они оказать помощь против турок, те ответили, что помогут, если мы признаем их власть. А когда мы обратились к представителю Англии полковнику Пайку, он никакой гарантии обещать нам не мог.

Беседа на эту тему продолжалась довольно долго. Затем разговор перешел постепенно на внутреннюю политику, на аграрную реформу и на прочие мероприятия, которыми хотели заняться меньшевики, рассчитывавшие иметь в сейме подавляющее число голосов. Настал момент, когда, по мнению Арчила Ивановича, Тверцов мог оказать влияние на Шалву. Он незаметно подмигнул Николаю, как бы прося его начать свое выступление, и с иронической улыбкой обратился к сыну:

– Значит, что: вы, меньшевики, желаете, чтобы у нас в Грузии князей совсем не было?

– Отчего? Князья пусть будут считать себя князьями, если им нравится. Но их земли мы отберем и передадим крестьянам. Оставим им усадьбы, несколько десятин, – и довольно.

– А ты понимаешь, что из этого будет? – взволновался старик. – Вот сейчас, когда мне надо для продажи вино, я еду к князю Цицианову или к другому, покупаю сразу – хочу сто бурдюков, хочу – двести, и торговля идет. Я знаю, что этот князь поганое вино мне не даст. А когда останутся только мужики, где мне вино собирать? Одну бутылку – в одном месте, другую – в другом? И все – разные? Одно вино слабое, другое – крепкое, третье – кислое? Николай Петрович, скажите: разве не верно?

Арчил Иванович умоляюще посмотрел на Тверцова, своим взглядом как бы приглашая его начать атаку.

– Да, Шалва, я с вашей программой совсем не согласен, – твердо произнес Николай. – Как вообще для России, так и для Закавказья в частности ошибочно разрушать крупные хозяйства, которые по качеству производимых продуктов гораздо выше хозяйств мелких, крестьянских. Особенно при культурной отсталости нашей деревни.

– Верно! Верно! – обрадовался старик, с благодарностью взглянув на Тверцова. – И потом: ежели брать от князей землю, почему не брать у каждого хозяина его дом в Тифлисе?

– Дома – дело другое. – Шалва высокомерно усмехнулся. – Дома не лишают бедных людей того орудия производства, каким является земля. Но, конечно, впоследствии, когда появятся домовладельческие тресты и жилища сконцентрируются в немногих руках, мы и их заберем.

– И мой дом тоже?

– Ну, такие домишки социализм мало интересуют. Но вот твои винные склады ты, может быть, скоро и потеряешь. Винное дело, как очень доходное, безусловно, нужно взять в руки государства для укрепления финансов.

– Вот как? Грабить меня будете?

– Зачем грабить? Просто – конфисковывать. А при национализации вино будет гораздо дешевле, так как исчезнут посредники, которые на этом деле обогащаются.

Арчил Иванович от волнения вскочил со стула.

– Что? Дешевле? Увидишь, как будет дешевле! Для красного вина будет свой министр, для белого вина – свой министр. У каждого министра – свой помощник, у каждого помощника – свой товарищ помощника... Потом будут директора, потом будут инспектора. Потом будут контролеры, потом – управляющий одной лавки, управляющий другой лавки... А разве управляющий будет так хорошо за всем смотреть, как хозяин? Ну, что? Не верно я говорю, Николай Петрович? – обратился старик к Тверцову. – Разве, кроме того, все они не будут воровать? Как вы скажете?

– Насчет воровства я не знаю... – уклончиво ответил Тверцов. – Все зависит от личностей. Но, по-моему, при отсутствии конкуренции качество продуктов всегда должно понижаться. И разве ты, Шалва, можешь отрицать, что личная заинтересованность для прогресса материальной культуры – великий фактор? Между тем ваши социалисты именно его отрицают.

– Конечно. И я отрицаю!

– Но чем же его заменить? Стремлением к всеобщему благу? Но для этого нужно, чтобы все люди были честны, добросовестны, даже самоотверженны. А разве на практике это может быть? Вот поэтому социализм и является неосуществимой утопией.

– Верно! Правильно! – хлопнув в ладоши, воскликнул Арчил Иванович, торжествуя, глядя на сына. – Когда люди жулики, что такое социализм? Жульничество!

Приятель спорил довольно долго. Шалва приводил все аргументы, которые в свое время вычитал из революционных брошюр, издававшихся до большевистского переворота именитыми московскими и ростовскими купцами на свою собственную голову. Тверцов, наоборот, вспоминал возражения против социализма, которые приходилось встречать в правых изданиях. А когда спор перешел на рабочий вопрос и Шалва заявил, что домашняя прислуга, подобно фабричным рабочим, должна быть занята не больше восьми часов в день, Арчил Иванович не выдержал и тоже вступил в разговор.

– Что же это выходит? – негодуя спросил он сына. – Значит, наша Маро может служить только восемь часов?

– Да, только восемь. Нужно признаться, ты ее бесчеловечно эксплуатируешь, как какую-то рабу.

– Я? Маро? Ну, знаешь... Послушай, Маро! – обратился по-грузински старик к служанке, суетившейся возле стола. – Скажи: ты хочешь работать каждый день только восемь часов?

Маро с тревожным удивлением посмотрела на хозяина, затем перевела испуганный взгляд на стенные часы.

– Зачем восемь? – ответила она. – Сейчас уже девять!

Ответ служанки рассмешил всех. Спор постепенно стал затихать. Наконец старик пожал молодым людям спокойной ночи и ушел. Маро тоже отправилась спать, и приятели остались одни. От выпитого вина Тверцов раскраснелся, в голове стоял легкий шум, настроение было блаженное.

– Шалва, – нерешительно спросил он, умильно глядя на своего друга. – Можно тебе задать вопрос?

– Вопрос? Вот чудак! Разумеется.

– И ты мне ответишь вполне откровенно?

– Я думаю. А в чем дело?

– Мне показалось тогда, что тебе неприятно... Ну, вот, скажи, если не секрет: что у тебя произошло с Хачатуровым?

Шалва нахмурился. Хотя он тоже немало выпил за этот вечер, но вино не действовало на его крепкий организм и не изменяло обычного настроения. Опустив голову, он некоторое время молчал, затем отвернулся лицом к стене и, не глядя на Николая, сухо проговорил:

– Просто я в нем разочаровался. Не стоит даже говорить.

– В таком случае извини. Не буду спрашивать.

– Ерунда, в общем, – добавил угрюмо Шалва. – Никакого секрета, конечно, нет, но противно... – Он повернулся снова к Тверцову, взглянул на его опечаленное лицо и сразу смягчился. – Эх ты, тип! – растроганно проговорил он. – Разве можно от тебя скрыть что-нибудь? Ну, слушай... Только между нами.

– Я думаю.

– Так вот... Политика в наших отношениях ни при чем. Женька, правда, для меня тоже правый, буржуазно-республиканский демократ. Однако ты видишь, мы с тобой не ссоримся. А он в личной жизни оказался совсем недостойным. Не говорю уже, что много о себе воображает. Пусть воображает, его дело. Но, по-моему, человек лучше всего себя обнаруживает, когда вопрос касается этого самого... Женщины. Да. Если тут он – свинья, значит, может быть свиньей во всех отношениях.

– Так вот что! В таком случае можешь не говорить дальше. Я не имею права вмешиваться.

– Нет, раз начал, я все расскажу. Ты помнишь Митьку Голованова из параллельного класса? Хотя мы с ним не дружили, однако после гимназии часто встречались в Москве, где он учился в университете. Как ты помнишь, у него есть сестра Соня...

– А, да. Была тогда институткой. Хачатуров за нею ухаживал.

– Так, верно. Сейчас стала настоящей барышней, большие шляпы носит, красится. И вот осенью к ним приехали дальние родственницы – пожилая дама с дочкой. Бежали из Кисловодска. Дочка очень симпатичная, хорошенькая. Сказать правду, она так мне понравилась, что я стал часто заходить к ним. Познакомился с нею и Хачатуров. Ну, познакомился, что ж? Каждый имеет право. Мы все вместе устраивали иногда прогулки, поездки. Женька вел себя вначале совсем прилично. Но потом вижу я, что они начали ходить без меня. Собираются все вместе куда-нибудь, а меня не приглашают. Я как-то раз спрашиваю Соню, когда застал ее одну: вы куда ездили в последний раз без

меня? Она говорит: «В Артачалы, – и добавляет: – Я настаивала, чтобы вас тоже пригласили, но Хачатуров был против. Он вообще, – стала рассказывать Соня, – все время издевается над вами, уверяет, что вы были последним учеником в классе, ни одного стихотворения не могли выучить наизусть и не могли отличить алгебры от геометрии». – Шалва негодовал: – Ты понимаешь, Коля, как я разозлился? Ведь это же подлость – бороться с соперником подобными средствами! А Соня после этого уже каждый раз потихоньку откровенно мне передавала, что этой барышне рассказывает обо мне Женька. Что я – простой кинто⁶, дикарь, тупой социал-демократ.

– Как странно! – задумчиво произнес Тверцов. – Никогда бы я не подумал, что Женя способен на это. А прости за нескромный вопрос... Ты просто увлекался ею или... хотел жениться?

Шалва покраснел.

– Не буду от тебя скрывать. Не только хотел, но даже предложение сделал. Да. Решил таким образом все до конца, начистоту, выяснить. Застал ее как-то одну у Головановых и изложил все. Она сначала почему-то испугалась, потом чуть не заплакала. И говорит: «Простите, дорогой Шалва, но я вообще не собираюсь выходить замуж. Вы человек очень милый, хороший, у вас прекрасная, благородная душа... Но все равно – мне рано еще обо всем этом

⁶ Кинто – мелкий торговец, продавец фруктов взнос (гр.).

думать». – «Нет, – сказал я, – дело тут просто: вы, наверно, в кого-нибудь влюблены». – «Честное слово, нет, – отвечает она. – Я ни в кого не влюблена».

– Вот видишь! – радостно прервал Шалву Николай. – Значит, тебе нечего ревновать Женю. Да и действительно: не обязана же она непременно любить или тебя, или его. А раз она тебе отказала, ты уже из одного самолюбия должен постараться забыть ее.

– Да, это верно. – Шалва вздохнул. – Ты прав...

– Ну а что касается того, что Женя над тобой издевался, то это, может быть, и не верно. Соня могла просто врать. Она вообще всегда была лживой. Завтра при встрече с Женей я прямо спрошу его: действительно ли он так отзывался о тебе. Он мне скажет правду.

– А на что мне его правда? Очень нужно!

– Как на что? – Николай укоризненно посмотрел на приятеля. – Ведь мы же, кажется, до сих пор все трое были друзьями! А клятву у Иоанна Зедазенского ты разве забыл?

– Я-то не забыл, а вот он...

– Ну, хорошо. Завтра все выясню. И если он невиновен, я приведу его к тебе, хочешь?

– Да... конечно.

4

Утром на следующий день Тверцов отправился к Хачатурову. Хотя идти было довольно далеко – в район Эриванской площади, однако Николай решил не брать трамвая: отчасти из экономии, так как денег на поездку в Батум оставалось в обрез, а отчасти – чтобы по пути не спеша осмотреть знакомые места. Поднявшись по Верийскому подъему, он повернул налево, дошел до Головинского проспекта, остановился около Кадетского корпуса, возле театра, достиг наконец своей гимназии. И – как странно: раньше и корпус, и театр и гимназия казались ему большими прекрасными зданиями. Теперь же, после Петербурга, даже театр производил впечатление чего-то скромного, провинциального. А особенно ясно было это, когда Николай дошел до гимназии, обогнул ее со стороны собора и заглянул через решетчатые ворота во двор. Каким большим, каким просторным был раньше этот двор! А сейчас – как это миниатюрно и тесно!

Тверцов долго стоял у ворот, заглядывая внутрь с затаенным любопытством, в котором чувство умиления смешивалось с какой-то грустью, даже с разочарованием. Здесь протекли восемь лет его детской жизни, здесь он из десятилетнего мальчугана превратился во взрослого юношу, узнал маленькие горести неудач, радости первых успехов.

Он со вздохом отошел от ворот и стал спускаться на Головинский проспект. Толпа тут была совсем не такая, как в прошлое время. Масса прохожих, но каких-то случайных, точно чужих. Солдаты в шинелях нараспашку; матросы, нарочито идущие вразвалку, оглядывающие всех со снисходительным видом завоевателей; многочисленные горцы, татары, сорванные революцией с насиженных мест; много женщин в простых платках и косынках, предусмотрительно надетых вместо прежних элегантных шляп. А на улице – редкие фаэтоны, грузовики с рабочими, автомобили с подозрительными официальными лицами, у обочины тротуаров – потерявшие прежнюю жизнерадостность кинто с полупустыми лотками на головах.

– Тверцов, ты? – раздался вблизи радостно-удивленный голос.

Николай обернулся и увидел возле себя молодого человека в штатском костюме.

– Голованов?

Товарищи поздоровались. Митя долго тряс руку, будто был одним из лучших друзей Тверцова.

– Ты что? Переехал в Тифлис? Или только проездом? – Голованов с любопытством разглядывал Николая. – Я бы, пожалуй, тебя не узнал, если бы ты не был в форме. А зачем носишь форму? Черносотенцем стал? Нет, я шучу. Стой, стой! А Соню не узнаешь?

– Как не узнаю! – Тверцов протянул руку сестре Мити. – Конечно, узнал. Но теперь вы уже совсем другая.

– Да, время идет, – кокетливо ответила Соня, поздоровалась с Николаем и стала поправлять выбившиеся из-под широкой шляпы завитые светлые волосы. – Скоро, наверно, стану старухой. А вы теперь тоже совсем взрослый. Усы вам идут. И брови потемнели, это хорошо к серым глазам. Митя! А почему мы стоим в толкотне? Идем. Ты обещал угостить меня шоколадом; вот, кстати, угостишь и Тверцова.

– Нет, нет, – испуганно возразил Николай, боясь, что придется платить за себя и тогда денег до Батума не хватит. – Не могу... Спешу по делу.

– Шалишь, брат. – Голованов взял его под руку. – Мы тебя так не отпустим. Пойдем, действительно, в кондитерскую, я всех угощаю. А ты нам расскажешь про себя, как и что.

– Да, но я...

– Ничего не я. Если спешишь, посидишь немного и пойдешь.

– Только, Митя, не в кондитерскую, а в «Чашку чая», – заметила Соня. – Там лучше. И русские барышни из высшего общества подают.

Тверцову Голованов никогда не был симпатичен. В гимназии держался развязно, был самоуверен, болтлив, ссорился со всеми из-за пустяков и был бичом божьим для преподавателей своими злостными шалостями. Однако нынешняя встреча с Митей могла быть полезной для ликвидации ссоры между Шалвой и Хачатуровым. И Николай решил не протестовать больше против шоколада.

– Ну что же? Рассказывай, как у вас там, в Петрограде, – заказав три порции и развалившись на стуле, самодовольно заговорил Голованов. – По-моему, все, что происходит, очень интересно в смысле, так сказать, историческом. Большевики, конечно, слишком прямолинейны. Я бы даже сказал – малокультурны. Да. Но у них, дорогой мой, есть то самое, что очень важно, – это энергия. Свежесть. Именно – свежесть. Они, безусловно, вдохнут в Россию что-то такое. Струю, если хочешь. Ты сам, кстати, какой партии? Кадет?

– Да.

– Ну, вот угадал. Все меланхолики и малокровные всегда кадеты. А я, конечно, не большевик, я для этого слишком широк, но в качестве левого эсера не прочь с ними блокироваться, если это может принести пользу стране. Крестьянская беднота, малоземельный мужик, батрак – вот стержень России. Надеюсь, ты ничего не можешь возразить против мужика?

– Митя, пей. А то остынет, – недовольно проговорила Соня.

– Остынет? А, да. На мужика, дорогой мой, клеветают все, каждый, кто хочет. И что темный, и что грязный, и что пьяница. А почему он пьет, спрашивается? Потому что есть нечего! Дай ему поесть вволю, заинтересуй его едой – он сразу меньше пить станет. Ведь по статистике французы пьют гораздо больше русских; но они умеют пить, а наши из-за подавления личности пить не научились, вот и впечатление: пьяницы. Задача эсеров теперь – научить мужика культурно и пить, и есть, и вообще жить. И разве служить крестьянству – не высший идеал? Ну, скажи по совести: не высший?

– Да, в некотором отношении, разумеется... – стараясь не улыбнуться, согласился Тверцов.

– Митя, оставь, пожалуйста, крестьянство, – повторила Соня. – Смотри, почти холодное. А платить придется бешеные деньги.

– Отстань, не ты будешь платить. Конечно, нет никакого сомнения, что наша партия, в конце концов, как крестьянская, станет во главе управления Россией. Ведь сколько в России рабочих? Пять процентов? А мужиков сколько? Восемьдесят? Так что же больше – пять или восемьдесят? Вот многие теперь ругают Керенского, что не удержал власти. Но к чему ему было цепляться за власть, когда он уверен, что мы, эсеры, все равно победим? И что мог сделать Керенский, когда вокруг него сидели помещики, купцы и князья? Будь во Временном правительстве не один Керенский, а два или три, а еще лучше – пять, дело повернулось бы совершенно иначе. Хочешь еще шоколада? Барышня! Пожалуйста, по второй чашке! Вот у нас, в Москве, в феврале будет тайный партийный съезд. Вопросы – очень ответственные. Я, без сомнения, поеду туда, меня многие ждут.

– Митя, довольно! – решительно произнесла Соня. – Дай нам слово сказать! Вы, Тверцов, надолго приехали? Наверно, едете в Батум, к своим?

– Да, завтра, должно быть, уезжаю.

– Очень жаль. А остановились где?

– У Шалвы Микеладзе.

– Ах, у Шалвы! Вот как. Шалва, наверно, очень гостеприимный. Вообще добрый. Но глуп – ужас. Его каждый ребенок обмануть может.

– Да, он очень хороший, – твердо произнес Николай.

– Да, да. Между прочим, я его довольно долго не вижу. Раньше к нам чуть ли не каждый день заходил, а теперь перестал. Обиделся, что ли. Впрочем, я понимаю: он не столько на нас сердит, сколько на Хачатурова. Оба увлеклись одной моей родственницей. Я эту род-

ственницу очень люблю, но, безусловно, она сама виновата: нечего флиртовать сразу с двоими. Тоже нашлась Клеопатра! А вы представляете, какой Шалва ревнивый? Как бык! Были случаи, я боялась, что он побьет Хачатурова!

– Хорошо боялась, когда сама их друг на друга натравливала, – презрительно произнес Голованов, недовольный на сестру за то, что она прервала его беседу с Тверцовым. – А к чему ссорить людей, особенно кавказцев? Чего доброго, до убийства дело может пойти.

– И совсем я их не ссорила. Ты все по обыкновению выдумываешь.

– Врешь, врешь! Сам сколько раз был свидетелем. Николай в стороне от этой истории, от него скрывать нечего. Но что ты мстишь Хачатурову за измену, это мне ясно. Подумай, Коля, что она делает...

– Митька! Довольно!

– Нет, нет, ты молчи. Я не желаю, чтобы у нас в квартире произошла драка! Понимаешь, Коля, придет Шалва; Клеопатры дома нет, ушла куда-нибудь с матерью; а Соня говорит ему, что только что был Женька и они оба ушли на прогулку. Шалва сидит, пыхтит, стесняется уходить сразу, а Соня тут-то и начинает его накалять. Выдумывает бог знает что: будто Хачатуров при нас рассказывал, каким тупым учеником в классе был Шалва; как он вместо слова «фауна» произносил «фуана»; как возводил углы в квадрат; как переводил с французского «катрвен» – четыре бутылки вина... Словом, все наши гимназические анекдоты приписывала Шалве, якобы со слов Женьки. Хотя Шалва действительно дурак, а Хачатуров много о себе воображает, однако все-таки они мои товарищи! И кроме того: а если Шалве в самом деле придет в голову мысль застрелить Женьку у нас на квартире – что тогда? Явится милиция, будет обыск. А у нас имеются кое-какие товары! Получится крах всего нашего дела. А кстати, дорогой мой... Я бы хотел предложить тебе одну выгодную комбинацию. Ты можешь здорово на ней заработать. Я тебе верю, ты малый честный, приличный, меня не надуешь. Так вот, раз ты едешь в Батум, возьми туда кое-что для продажи. Сардины, кильки, шоколад, кофе. Повези, продай, я тебя посвящу в цены. А прибыль поделим. Зайди-ка сегодня ко мне в четыре часа в Саперный переулок – ты помнишь наш адрес? Я буду ждать. Соня, ты тоже будь дома в четыре часа. Сардин могу дать, если хочешь, целый ящик. А между прочим, говорят, в Батуме сахара нет. Возьми у меня хоть три головы! Или кусками. Зайдешь?

Категорически отказавшись от предложения Голованова, Тверцов посидел еще немного, чтобы этим немного смягчить свой отказ, и отправился к Хачатурову. Было около одиннадцати часов. Предполагая, что у Жени на службе перерыв будет в полдень, Николай решил зайти туда перед двенадцатью, чтобы не отрывать приятеля от работы. Пользуясь свободным временем, он миновал Эриванскую площадь и двинулся в торговую часть города. Прошел серебряный ряд, побывал на Авлабаре, на Майдане, полюбовался Сионским собором, видом на Метехский замок. Несмотря на начавшееся оскудение, оставшихся товаров было еще немало, и торговля всюду шла довольно бойко. Как и раньше, но не в таком количестве, на тротуарах были разостланы ковры, висели у входа цветные паласы; с оглушительным шумом работали мастерские медной посуды; сверкали в стеклянных ящиках местные кружевные изделия из серебра. Возле лавок встречались кое-где ларьки со старой одеждой, с ботинками, лампами, со всевозможными безделушками, брошенными на продажу бывшими чиновниками, потерявшими службу в связи с революцией.

Около двенадцати Тверцов пришел к Хачатурову. Встреча друзей была очень трогательной. Хотя Женя по характеру мало походил на Шалву – в нем не было ни экспансивности, ни непосредственности для буйных проявлений радости, однако по любовному выражению глаз, по счастливой улыбке ясно чувствовалось, как приятна была ему эта встреча.

– Не хочу только отрывать тебя от работы, – поздоровавшись с ним, торопливо сказал Николай. – Ты занимайся, а я подожду. У вас перерыв в полдень?

– Нет, мы работаем от восьми до трех. Но ты не беспокойся. Сам видишь – никаких посетителей, можем свободно поговорить. Да и какие теперь дела! Садись, вот стул. Да, дорогой мой, не ожидал я, что вместо классической филологии придется заниматься страхованием от огня. Мечтал уже о магистерской диссертации, тему чудесную нашел, а тут... Неизвестно, придется ли вообще вернуться в университет.

Появившийся неожиданно клиент прервал беседу друзей. Хачатуров зашел за конторку, просмотрел предъявленную ему бумагу, сделал пометку, отправил посетителя к кассиру и снова вышел к Тверцову. Как обычно бывает после долгой разлуки, оба приятеля беспорядочно переходили от одной темы к другой, говорили о последних событиях, об университетских занятиях. И наконец Николай осторожно перешел к вопросу о Микеладзе.

– Между прочим, Женя, – веселым тоном, будто ничего не зная о происшедших недоразумениях, сказал он, – я остановился у Шалвы. И Шалва просил, если ты свободен, обязательно зайти к нему сегодня вечером. Посидим вместе, поговорим. Может быть, оттуда куда-нибудь пойдем.

– Шалва? – Хачатуров удивленно взглянул на Тверцова. – Просил зайти? Странно. Он в последнее время ко мне настроен почему-то очень враждебно.

– Да нет, брат, ты ошибаешься. Он мне действительно что-то очень неясно говорил о прежнем вашем взаимном охлаждении, но теперь сознает, что все это результат интриги Сони Головановой. Я, кстати, только что, по дороге к тебе, встретил Митю и Соню.

Николай осторожно передал приятелю содержание разговора в кондитерской.

– Как? Соня приписывала мне все эти издевательства над Шалвой? – возмутился Хачатуров. – Но это же ложь!

– В том-то и дело, что ложь.

– Я вообще им о Шалве ничего не говорил! Какая негодная тварь!

– И вот сам Шалва теперь соображает, что Соня лгала. Потому и просил, чтобы ты зашел. Значит, придешь, правда?

– Хорошо... Разумеется.

Не желая больше мешать Жене, на которого уже с недовольством стали поглядывать другие служащие, Николай сговорился окончательно о вечерней встрече у Микеладзе и ушел. До трех часов дня, когда нужно было прийти домой к обеду, оставалось много времени, и Тверцов отправился бродить по городу. Побывав в Ботаническом саду, он вернулся на Головинский проспект, желая отсюда свернуть налево, чтобы подняться на Давыдовскую гору, но увидел вдали посреди проспекта большую толпу. Это была коммунистическая манифестация, состоявшая из нескольких сот рабочих, солдат, баб и подростков, направлявшаяся в сторону бывшего дворца наместника. На плакатах из плотной белой и красной бумаги, прикрепленных к высоким камышовым палкам, красовались сделанные от руки надписи на русском, грузинском и армянском языках: «Вся власть Советам!», «Мир хижинам, война дворцам!». Вдали, возле гимназии, толпа остановилась. Какой-то субъект, в кожаной куртке и в кепке, взобрался на табурет, который перед ним услужливо тащили двое мальчишек, и стал что-то кричать, подпрыгивая, усиленно жестикулируя и дергая головой. Что он кричал, за дальностью расстояния разобрать было нельзя.

– Правильно! Правильно! – хлопая в ладоши, завизжала рядом с Тверцовым женщина в красной вязаной шапочке. – Ура! Долой!

Стоявшая вокруг на тротуаре публика хранила молчание. Некоторые с тревожным удивлением обернулись к кричавшей. Некоторые презрительно улыбались. А какой-то кавказец, в плоской барашковой шапке, ехидно спросил:

– Мадам, скажите: что вам надо долой? Вы слышите, что он говорит?

Иступленная женщина смерила соседа негодующим взглядом.

– Чего? А вам какое дело?

– Извините, пожалуйста. Только я смотрю на ваши уши – они совсем не длинные и не мохнатые, а как далеко слышат!

Поднявшись на гору, Тверцов остановился недалеко от монастыря и сел на скалистый выступ в стороне от дороги, откуда открывался вид на весь город. Сколько раз бывал он здесь в прошлые годы! Но как ему тогда все в жизни казалось ясно и просто! И как все неопределенно и сложно теперь! Когда все это окончится и как? Конечно, дома, в Батуме, хорошо. Прекрасный особняк у берега моря возле бульвара. Просторная дача в семи верстах от города, возле платформы железной дороги. Отец, несмотря на свои шестьдесят лет, человек еще энергичный, бодрый. Уйдя на покой после удачной деятельности в качестве гражданского инженера, он с увлечением отдался делу развития Черноморского побережья, купил заброшенный участок с бывшей плантацией чая с намерением расширить это дело. Но что будет, если большевизм докатится и сюда? Николай с грустью смотрел вниз, на серые и красные крыши домов, на пепельные пятна обнаженных садов, на трепетавшие в лучах солнца желтые воды Куры. По ту сторону реки, далеко, возле казарм, виден дымок паровоза; медленно движется товарный поезд, то скрываясь за зданиями, то появляясь опять. Все – как раньше. Но как будто не то...

К трем часам он вернулся к Микеладзе. Шалва сообщил, что отец уехал по делам за город, вернется только к пяти часам и просил не ждать его к обеду. Приятели сели за стол одни.

– Значит, это все Сонька наговорила? – с возмущением сказал Шалва, выслушав рассказ Николая о встрече с Головановыми и Хачатуровым. – Какая подлая баба! Недаром она всегда начинала передавать мне подобные вещи, хотя я никогда ее не спрашивал о том, что говорил обо мне Женя. Дрянь этакая! Пусть встретится со мной, скажу ей, что о ней думаю! Ну а Женю ты пригласил, конечно?

– Да.

– Сразу согласился прийти?

– Не совсем. Сначала сказал, что удивляется, почему ты на него дуешься; но, когда я объяснил, в чем дело, он тоже возмутился враньем Сони и обещал обязательно быть у тебя.

– А мне как? Объясняться с ним или нет?

– По-моему, нет. Будь с ним поласковее, как раньше, и делай вид, что ничего не случилось.

5

Хачатуров явился, как обещал, к шести часам. Шалва дружески встретил его, крепко пожал руку и проводил в столовую, где перед этим сидел с Тверцовым. Но не успели приятели начать беседу, как раздался звонок и вернулся Арчил Иванович. Вместе с ним приехал пожилой грузин в военной форме, полковник в отставке. Был он богатырского сложения, высокий, широкоплечий, но инвалид: пустой левый рукав его френча беспомощно покачивался сбоку могучей груди.

– Вы дома, господа? – заглянув в столовую, весело спросил старик. – Отлично. А! Хачатуров тоже здесь? – радостно добавил он. – Очень хорошо! Здравствуйте, дорогой! Давно не видел. Сандро! – торжественно обратился он к своему гостю. – Познакомься, пожалуйста, с господами студентами. Товарищи Шалвы... А это – мой родственник, полковник Сванидзе Александр Георгиевич. Вот, все образованные люди собрались!

– Очень рад, очень рад, – благодушно произнес гость, здороваясь со всеми. – Мне Арчил рассказывал. Ну а что ты поделываешь, революционер? – насмешливо обратился он к Шалве. – Социализмом все занимаешься?

– Занимаюсь понемногу без вашей помощи, Александр Георгиевич, – в тон полковнику добродушно ответил Шалва.

– Да, ты в этом от меня помощи не жди. – Полковник сел. – Вот если бы мне дали хотя один прежний батальон, я бы вас всех, социалистов, арестовал. А то, не дай бог, ты у нас скоро и министром будешь.

– Что же. Может быть, буду. А если буду, то вы уж извините, но вас обязательно арестую, чтобы уничтожить контрреволюцию.

– Господа, подождите, – присаживаясь к столу и наливая всем вина, сказал Арчил Иванович. – Я хочу что-то сказать... Видите, сегодня у нас такой приятный день... Ко мне мой друг приехал, к Шалве – его самые лучшие товарищи. Нужно вас как следует угостить, мне это очень хочется. Но дома у меня не все есть. Прошу вас: поедem все на Веру⁷ шашлык кушать!

– Что же... Это не плохо, – проводя от удовольствия языком по губам, ответил полковник. – А если к шашлыку окажется еще и соответственная выпивка, то совсем хорошо.

Ресторан, в который привел своих гостей Микеладзе, представлял собой попросту духан, но довольно просторный, в котором кроме передней большой общей комнаты находилась вторая, поменьше, игравшая роль отдельного кабинета. Арчил Иванович уверял, что нигде в Тифлисе не умеют так хорошо готовить чахохбили и шашлык, как именно здесь. Оставив гостей во второй комнате, он отправился обсуждать программу вечера с хозяином, с которым был хорошо знаком и которому сам поставлял вино из своих складов.

– Ну, вот, все будет, что надо, – вернувшись к своим, радостно заявил старик. – А пока приготовят, мы можем понемногу закусывать. Сандро, ты будешь у нас тулумбашем. Хорошо?

– Отчего, можно, – согласился полковник. – Только, когда я бываю тулумбашем или тамадой, я всех строго держу. Все должны меня слушать. Даже революционеры. Шалва, ты будешь наливать водку! Только, как социалист, смотри, чтобы все пили поровну. Кто не пьет, тот не ест!

– Слушаю, ваше превосходительство, – ответил Шалва, взявшись за бутылку, – сейчас будет исполнено.

– Ну что? У всех есть? Значит, начинаем. Алаверды всем!

Полковник опрокинул содержимое рюмки в рот, крикнул и начал закусывать.

⁷ В е р а (Верийский квартал) – район в Тбилиси, «тбилисский Монмартр», средоточие духанов и кафешантанов.

– Ты вот говоришь мне «ваше превосходительство», – обратился он к Шалве. – Что ж... Если бы я, мой дорогой, не потерял руки в начале этой войны, я бы, конечно, был «его превосходительством». Хотя вы, молодые, и говорите – проклятый царский режим, но царский режим не мешал нам, грузинам, быть и полными генералами, и даже русскими полководцами. А вот посмотрим, какие получатся у вас полководцы и генералы, когда будет самостоятельная социалистическая республика. Наверно, прямо из прапорщиков. Ну как? Все выпили? Наливай снова!

– Только мне не надо, – сказал Шалве Хачатуров. – Я не люблю водку.

– Что такое? – сверкнув глазами, грозно спросил полковник. – Не любите? А кто здесь тамада: я или вы?

– Простите... Мне доктор запретил.

– Запретил? Студенту? Это мне нравится. Разве студентам можно вообще что-нибудь запрещать? Ведь это – подавление личности! Ну, как хотите. Господа! Алаверды!

Словоохотливый тулумбаш снова опрокинул рюмку в рот и потянулся к закускам.

– До шестидесяти лет человек не должен быть знакомым с докторами, – наставительно продолжал он, с аппетитом разжевывая селедку. – Почему Мафусаил, Адам и Ной жили больше девятисот лет? Потому что докторов не было! А теперь чем больше студентов кончает медицинский факультет, тем больше на свете больных людей. Вот я очень люблю свою Грузию и наши кавказские вина тоже. Но, как человек справедливый, я все-таки считаю, что русская водка выше вина. Россия потому и сделалась великим государством, что русские пили водку, а не вино. Водки немного надо – и уже есть в человеке энергия. И Сибирь с водкой можно завоевать, и Турцию, и выход к морям, океанам. Пока все пили, держалась Россия. Англия даже боялась. А как запретили водку, все и развалилось: революция, шурум-бурум, большевизм... Солдаты разбежались, мужики стали грабить. Начальство растерялось, не знало, что делать. Шалва! Наливай!

После закусок начался наконец ужин. Принесли чахохбили, затем соцхали, потом – шашлык. Арчил Иванович сиял от удовольствия: всего было много, и все приготовлено отлично. Он часто вставал с места, уходил к хозяину о чем-то сговариваться. И почти каждый раз, когда возвращался, приходил не один, а в сопровождении какого-нибудь знакомого, встретившегося в соседней комнате среди посетителей.

– Господа, познакомьтесь... Это мой приятель... Садись, Ираклий! Что хочешь? Вина? Водки? Эй, бошо! Принеси обратно закуски!

Постепенно за столом, к которому придвинули второй столик, вместо первоначальных пяти человек оказалось девять. Пользуясь тем, что Арчил Иванович и полковник занялись новыми гостями, молодые люди стали беседовать о своих делах, о различных случаях из университетской жизни.

– Да, господа, – блаженно проговорил Тверцов, когда собеседники его смолкли, занявшись едой. – Вот, слава богу, и повидал я вас. На душе так хорошо! Единственно, что испортило впечатление от приезда, – встреча с Головановыми. Каким фруктом оказался Митя! Спекулянт, оппортунист. А Соня – какая дрянь!

– Да, действительно, – согласился Хачатуров. – Я-то ее давно раскусил, но все же не предполагал, что она такая подлая. Ты подумай, Шалва, какую интригу вела она против меня! Ты можешь мне верить или не верить, но даю слово – никогда ничего обидного я никому из них про тебя не говорил.

– Я тебе верю, дорогой мой, – пожав руку Жене, растроганно произнес Шалва. – А ты знаешь, почему Сонька все это делала? Очевидно, она до сих пор в тебя влюблена!

– Ну, едва ли...

– Безусловно. Ну, да не стоит об них говорить больше. Давайте, господа, выпьем за нашу дружбу!

– Прекрасно! Чудесно! – восторженно воскликнул Тверцов, на которого выпитое за этот вечер вино уже сильно подействовало. – За нашу дружбу! А кроме того... У меня есть еще идея. Хотя... Не знаю, следует ли говорить.

Слова Тверцова были неожиданно прерваны. В дверях соседней комнаты показался торжествующий Арчил Иванович, за которым шло три музыканта: один – с барабаном-доли, двое других – с дудками-дудуками. Это были зурначи, специально вызванные по заказу Микеладзе хозяином ресторана.

Под визгливо-гнусавые звуки зурны разговор за столом стал громче и оживленнее. Полковник рассказывал новым гостям о боях, в которых принимал участие в начале войны; Микеладзе удовлетворенно улыбался, сев боком на стул, уронив руку за спинку; а молодые люди возобновили прерванный разговор.

– Что же у тебя за идея? – вспомнив загадочные слова Николая, спросил Женя.

– Да нет... Это ничего. Пустяки.

– Ну, ну, говори. Очевидно, что-нибудь интересное, если смущаешься.

– Я уже передумал. Неловко.

– Еще что выдумал: неловко перед нами! – с добродушной снисходительностью произнес Шалва. – Рассказывай, раз начал. Послушай, Женя, пока он будет думать, выпьем отдельно. Я хочу с тобой чокнуться.

– Чудесно. Только я, кажется, уже того... Тоже порядочно выпил. Но для этого – налей. За твое! Ну, что, Николай, скажешь или нет?

– Нет.

– Ну и дурак. Шалва, дурак он или не дурак?

– Понятно – дурак. Одно слово – астроном. Бедуин, который что-то забыл и считает звезды.

Между тем под строгим наблюдением полковника все продолжали пить. Тост сменялся тостом. Пили за всех присутствовавших поочередно. Хачатуров и Тверцов уже изнемогали от выпивки.

– Слушай, Шалва, – шептал Женя, – я же не смогу пойти завтра на службу!

– И не надо. Все равно, брат, мы – социалисты – закроем все страховые общества, а тебе я другое место найду.

– Господа! Прошу внимания! – возвысил голос полковник, постучав ножом по тарелке. – Мы выпили уже за всех находящихся здесь. Поэтому выпьем теперь за все любимое окружающее нас. Прежде всего – за Тифлис. Он для всех нас – отец. А Кура – мать. Все – и грузины, и армяне, и азербайджанцы, и русские, живущие здесь, – все его любят. Только Тифлис, господа, большой, он широко раскинулся. Невозможно за весь город сразу пить. Сначала выпьем за Давидовскую гору! Алаверды!

Постепенно было выпито: за Головинский проспект, за Сололаки, за Эриванскую площадь, за Авлабар. Полковник уже собирался поставить на очередь сад Муштаид, как вдруг в соседней комнате послышался необычный шум. Кто-то громко чем-то возмущался, кто-то его успокаивал. Загудели тревожные голоса, и в дверях появились три молодых грузина, пьяные физиономии которых не предвещали ничего доброго.

– Эй, послушайте! – выступив вперед нетвердыми шагами, произнес по-грузински один из вошедших, – почему тут говорят по-русски?

– Мы не желаем слушать! Здесь не Россия! – подхватили двое других.

– Шеничириме⁸, генацвале, уходите, прошу вас! – умоляюще начал уговаривать пьяных выскочивший вслед за ними хозяин ресторана. – Зачем делать скандал? Пойдемте назад!

– Не пойдем! Пусть говорят по-грузински, если хотят жить в Грузии!

⁸ Ше ничириме – выражение преданности и заботы, дословный перевод с грузинского «беру твои беды на себя».

– Или пусть едут к своим большевикам!

Зурна смолкла, оборвавшись на жалобной ноте. За столом несколько мгновений царила тишина. Затем со своего места величественно поднялся Сванидзе, строгим начальническим взглядом обвел всех присутствовавших и, откашлявшись густыми басовыми звуками, похожими на грозное рычание, сказал по-русски:

– Прошу всех молчать. Я сам буду говорить. – Он снисходительно посмотрел на буянов, покачал головой и продолжал: – Ах, молодые люди, надежда и краса Грузии! Ну, поглядите вы на себя: как можете вы быть опорой любимой страны, когда едва держитесь на ногах? К какому светлому будущему приведете вы нашу дорогую родину, если будете так качаться? Мне, как старому грузину, стыдно, что вы даже пить не умеете! Что значит – правильно пить? Правильно пить – это делать так, чтобы не вино одолевало нас, а мы одолевали вино. А если вы такие слабые, что это у вас не выходит, то оставьте в покое бурдюки и бутылки и пейте себе рыбий жир!

– Прошу оставить шутки! – прервал полковника вожак. – Мы пришли серьезно требовать!

– А я вас прошу не прерывать тулумбаша! Я сейчас тоже буду говорить серьезно. Вы видите, что среди нас есть и грузины, и армяне, и русские. На каком же языке нам разговаривать, чтобы все понимали друг друга? По-французски? Или по-английски? Парле ву франсе? Хау ду ю ду? Нет, господа, стыдно вам! Мы, грузины, самый гостеприимный народ в мире. Это все знают. Для нас гость – священная особа. О нашем кавказском гостеприимстве известно всей Европе. Недавно мы в военной компании угощали офицера из английской миссии... Мы его так угостили и так подпоили, что он целую неделю был болен и, когда уезжал, говорил, что ничего подобного за всю жизнь не испытывал. А вы хотите лишить нас нашей славы! Стыдитесь! Да что долго разговаривать! Садитесь за стол, закусите и выпейте. Шалва, поднеси гостям вина! Господа, я предлагаю тост за вновь прибывших друзей. Алаверды!

Шалва любезно поднес гостям наполненные стаканы, все присутствующие затянули «мравал жамиер», зурна заиграла. И непримиримые молодые националисты совершенно растерялись. Они нерешительно выпили, стали шепотом совещаться, как быть дальше, но Арчил Иванович окончательно умиротворил их. Умилно уговаривая не расстраивать компании и создать общее миролюбивое настроение, он одного тянул за рукав, другого подталкивал к столу... И дело кончилось тем, что все трое сели на почетное место возле тулумбаша, стали пить, есть и в скором времени сами заговорили по-русски.

Ужин продолжался. Полковник провозгласил еще несколько тостов: за Майдан, за Ботанический сад, за вокзал железной дороги, за трамвай, за зурну. Гости затянули хором одну грузинскую песню, другую... А после начался общий шум. Некоторые пели, некоторые громко говорили, стараясь заглушить голоса поющих.

– Итак, дорогие мои, завтра я уезжаю, – в приподнятом тоне сказал своим друзьям Тверцов. – И кто знает, когда мы снова увидимся.

– Завтра ты не уедешь, – твердо заявил Шалва. – Сейчас уже давно завтра: два часа ночи.

– Не уеду? Ну, хорошо. Тогда послезавтра. Но перед расставанием я хотел бы быть совсем спокойным за наш дружественный тройственный союз. Вы помните, разумеется, клятву, которую мы дали друг другу на горе Иоанна Зедазенского. Мы обещали, что нас ничто никогда духовно не разделит. Но только... Почему вы на меня так смотрите? Вам смешно? В таком случае не желаю говорить дальше.

– Нет, нет, продолжай, – перестав улыбаться, смущенно возразил Хачатуров.

– Мы слушаем, Коля, – серьезно подтвердил Шалва.

– Так вот... Как мы видим, политика, слава богу, нас разделить не могла. Хотя мы и разных взглядов, но все же друзья. Теперь же я перейду к вопросу о женщинах. Ты, Шалва, помнишь, конечно, свои сравнения относительно любви в дружбе и любви, так сказать, сексуаль-

ной. И ты помнишь, что мы оба с тобой не спорили. Действительно, господа, если встречаются в жизни случаи, когда, это самое, подобная любовь вступает в конфликт с истинной дружбой, то что нужно сделать, чтобы спасти дружбу? Нужно вырвать с корнем любовь. Да, да, я говорю – вырвать раз навсегда, чтобы не было ничего неясного, неопределенного, никакого осадка в душе. Предположим, двое из нас влюбляются в одну женщину... Казалось бы, это – трагедия. Конец дружбе. Но вот вдруг появляется какая-нибудь новая красавица...

– Оставь, Коля, – опустив глаза, недовольно проговорил Хачатуров.

– Нет, не оставлю. Итак, появляется красавица... И уже подточена прежняя любовь. Уже надтреснуто чувство.

– А что... это верно, – задумчиво согласился Шалва. – Любовь бывает капризна. И если держится, то часто – из самолюбия или от упрямства.

– И вот уже надтреснуто чувство. Конечно, когда люди любят долго друг друга и между ними появляется дружба, тогда дело другое, тогда дружба укрепляет любовь, дает ей прочность. Но что такое любовь, которая началась всего несколько недель или месяцев тому назад? Разве можно ее сравнивать со старой дружбой? Прекратите такую любовь, отрежьте ее, она доставит вам вначале некоторое страдание... А затем все пройдет. Нет, господа, дружбу сравнивать с подобными увлечениями просто обидно. И потому я говорю: вы можете называть меня глупым, можете считать бестактным... Но так как я вас обоих очень люблю, то хочу, чтобы все окончилось полностью. Навсегда. Милые мои! Бросьте ее оба! Не встречайтесь больше с вашей общей знакомой! Умоляю!

У Тверцова на глазах показались слезы. Сидя между приятелями, он протянул в обе стороны свои руки, положил их на плечи тому и другому и, любовно заглянув в лицо каждому, спросил:

– Ну, как? Хорошо?

Шалва от наивной просьбы Николая пришел в умиление. Он осторожно снял с плеча его руку, крепко пожал, положил на стол и растроганно стал ее гладить.

– Ладно, – взволнованным голосом произнес он. – Обещаю.

А что касается Хачатурова, то тот долго сидел неподвижно, опустив голову, не глядя на Николая. И затем, отвернувшись, сделал вид, что прислушивается к чужим разговорам.

Между тем полковник Сванидзе время от времени, с некоторыми перерывами, продолжал свои тосты. Пили уже за Манглис, за Коджоры, за Алазанскую долину, за близкую весну. Журна неистовствовала; в комнате стоял синий туман от табачного дыма, отдельных голосов не было слышно – раздавался общий рокошующий гул. А в половине четвертого, когда выпили, по предложению тулумбаша, «за солнце, которое светит всем одинаково», хозяин ресторана осторожно подошел к Арчилу Ивановичу, затем к полковнику и что-то сказал им на ухо.

– Ну, господа, – встав с места и пригласив всех к молчанию, с грустью в голосе обратился тулумбаш к присутствовавшим, – к сожалению, мы должны прекратить наше веселье: ресторан закрывается. Но, прежде чем расходиться, я предлагаю...

Он провозгласил тост за Арчила Микеладзе, за хозяина духана, за всех гостей в совокупности и после пения «мравал жамиер»⁹ в заключение произнес:

– Итак, друзья мои, мы расходимся. Я надеюсь, что все вы унесете приятное воспоминание об этом вечере. Я надеюсь также, что все вы почувствуете себя крепко и бодро после сражения с вином. Но если за это время кто-нибудь из вас ослабел, то я должен с удовольствием предупредить, что на дворе сейчас светит луна. Поэтому в заключение поднимаю бокал: за здоровье той луны, которая ночью на небо восходит, пьяному дорогу освещает!

Журна смолкла. Все шумно вставали, заканчивая свои беседы. У ресторана стояло несколько фаэтонов, но, так как большинство гостей не решалось брать их из-за дороговизны,

⁹ Застольная песня, дословно «многая лета».

Арчил Иванович щедро дал кучерам на чай в компенсацию за разочарование и вместе со всеми отправился в город пешком. Он, полковник и остальные гости шли гурьбой впереди; Шалва, Хачатуров и Тверцов – сзади. Луна уже склонялась к горизонту; ночь была ясная, но холодная; по бокам дороги среди садов, мечтавших о близком весеннем наряде, встречались одинокие домики, погруженные в глубокий сон. Настроение у Николая было печальное: хотя Хачатуров продолжал разговаривать с ним дружески, как будто ничего не случилось, но то, что он смолчал в ответ на предложение, повергало Тверцова в уныние.

– Теперь сам видишь, что ехать утром нельзя, – ласково сказал ему Шалва, угадывая его настроение.

– Да, конечно. – Николай вздохнул и взглянул на небо. – Как поздно! Сейчас январь, а созвездия весенние. Дева вошла, Арктур высоко... А Сириус, Бетельгейзе и Альдебаран уже заходят.

– Так как ты остаешься, дорогой мой, – взяв Тверцова под руку, нежно произнес Хачатуров, – то я попрошу директора освободить меня на весь день от работы. Пойдемте куда-нибудь вместе на прогулку. Ты одобряешь, Шалва?

– Великолепно! Чудесная мысль!

– А затем, Коля... Хочу еще кое-что сказать. У тебя такая замечательная душа. Вы оба – такие редкие товарищи. Ради вас можно многое сделать. Хорошо: я согласен на твое предложение. Обещаю.

– Как? – остановившись, радостно воскликнул Тверцов. – Значит... все будет кончено?

– Я же сказал. Только не кричи, пожалуйста: подумают – пьяный. И ни слова больше об этом.

– Женя, ты не представляешь, как я рад! Я – счастлив! Нет, ты просто прелесть, милый Женя!

– Говорю тебе, не ори! И смотри – чуть не упал. Шалва, бери этого несчастного астронома под руку с той стороны!

Приятель долго шли молча, озаренные светом заходившей луны.

6

Хорошо знакома Тверцову дорога из Тифлиса в Батум. Сколько раз проезжал он эти места, отправляясь в гимназию и возвращаясь во время отпуска домой!

Видел он в яркие летние дни разукрашенные цветами луга; увенчанные белыми султанами поля кукурузы; пышные сады, отягощенные ожерельями разноцветных плодов; зеленые холмы в кудрях листвы, горные утесы в ослепительном сиянии лучей. Видел в ненастные зимние дни бесконечные нити дождей, ловящих в свои сети долины и горы; призраки туманов, бродящих по обрывам ущелий; хмурые вершины, уходящие во мрак сгустившихся туч; мраморные снега наверху, изумрудные травы внизу. И ручьи, ставшие реками, и тихие ключи, превращенные в кометные хвосты водопадов.

Поместившись в проходе вагона со своими вещами, Тверцов любовно следил через окно за сменявшимися друг друга картинами.

Вот – станция Мцхет. Сейчас здесь беспокойно и шумно. Толпы дезертиров-солдат, бежавших с турецкого фронта, бушуют на перроне, намереваясь продолжить свой путь отсюда на север по Военно-Грузинской дороге. А еще так недавно все было тут чинно и мирно. Величавый обер-кондуктор грузин торжественно ходил с фонарем вдоль вагонов и возглашал: «Станция Мцхет, поезд стоит пять минут. Кто хочет – заходи, кто хочет – выходи!» Пассажиры торопливо бежали в буфет есть знаменитые мцхетские блинчатые пирожки...

А внизу, в обрыве, Арагва с гулом стремится к Куре. Как-то раз, в седьмом классе, Николай вместе с группой приятелей переходил здесь Арагву вброд, чтобы кратчайшим путем пробраться к монастырю Мцыри. Из предосторожности все держали друг друга за руки. Под ногами клокотала вода, срывались с места огромные камни. Было жутко: Тверцов не отличался никакой склонностью к спорту. Но разве можно показать, что боишься, и отстать от других?

А вот и Михайлово. Отсюда идет на Боржом ветка. В окно видна вдали горная цепь, среди которой извивается Кура, а рядом с нею – полотно железной дороги. Как чудесен Боржом! Тверцовы несколько раз проводили там лето. Неистово ревут здесь внезапные грозы, когда грома и молнии набрасываются на тесные горы и бесплодно пытаются раздвинуть ущелье. После грозовой тьмы покажется солнце – и косматые туманы пробираются по соснам к небу, благоухают леса, пряный запах идет из зарослей от дикого жасмина и лилий.

Миновав Сурамский туннель, поезд по узким ущельям спустился в долину Риона. Вырвавшись из диких теснин Мингрелии, успокоенный Рион величаво продвигался к Черному морю, широко раздвинув свое русло для весенних разливов. Сейчас вдали с обеих сторон видны оголенные гигантские платаны, орехи; среди них – скромные деревни, окруженные серыми пятнами садов. Но летом – как волшебным расцветает долина и как сказочно выются по деревьям виноградные лозы, раскидав среди ветвей тяжелые грозди!

Вечером, при лунном свете, появилось вдали море, бледно-лиловое, едва уловимое. Приближалось, мелькая за лесом; подошло наконец к полотну, очерчивая извилистый берег светлым прибоем. Миновал тоннель Зеленого Мыса. Прошли холмы со знакомыми нарядными дачами, показалась линия городских береговых огней, заканчиваясь с краю сиянием маяка...

Наконец-то у себя, дома. После безумного Петрограда.

Дом Тверцовых находился на Бульварной улице, вблизи берега моря. Дойдя сюда с вокзала пешком с чемоданом на плече и с ремнями в руке, Николай решил не звонить у парадного входа, а войти во двор и подняться в стеклянную галерею, куда выходили окна столовой.

Бесшумно проникнув в темную галерею, Тверцов осторожно опустил на пол вещи и с любопытством заглянул через окно внутрь. За столом у самовара сидела его мать, Елена Антоновна. За эти полгода она похудела, даже слегка постарела. События, очевидно, проходят для нее не бесследно. А тут же рядом – отец пьет чай. Он по-прежнему кажется бодрим,

энергичным; седые волосы не старят его, наоборот – как будто бы молодят, оттеняя свежесть бритого, почти лишенного морщин лица. Он о чем-то живо беседует с сидящим рядом тучным пожилым гостем. Кто это? Дядя Сережа? Да, он! Тут же, напротив, тетя Соня. А рядом с нею – молоденькая хорошенькая брюнетка с большими живыми черными глазами, с густыми выющимися волосами. Неужели – кузина Верочка? Николай с трудом узнал в ней ту девочку, которая восемь лет тому назад приезжала к ним со своими родителями. Значит, тетя и дядя бежали сюда из Москвы? Очевидно – недавно: мать об этом ничего не писала Николаю в Петроград.

Дверь из кухни в коридор открылась, и на освещенном пороге показалась кормилица Николая – Аграфена Давидовна, которую Тверцовы называли не по имени, а по-грузински – Дзидза, что значит – кормилица. Это была среднего роста плотная, лет под пятьдесят, грузинка, довольно красивая, с добрыми глазами, но со строгим лицом, носившим на себе преувеличенную торжественность и подчеркнутое чувство собственного достоинства. После смерти мужа, а затем и малолетней дочери она навсегда переселилась к Тверцовым, сделавшись чем-то средним между прислугой и равноправным членом семьи.

Говорила Дзидза по-русски совсем свободно, но неправильно и с сильным акцентом.

– Кто здесь? – испуганно спросила она, увидев в темноте чью-то мужскую фигуру.

– Дзидзочка, не узнаешь?

Тверцов подошел, обнял кормилицу.

– Коля! Наконец! Газдыли мой! Как мы беспокоились!

Дзидза со слезами на глазах стала целовать своего питомца.

– Ну что? Здоровый совсем? Большевики не трогали?

– Слава богу.

– Как хорошо! Большевики такие паршивые! Подожди...

Дзидза быстро направилась к двери столовой и, открыв ее, радостно объявила:

– Барыня! Наш Коля приехал!

После нежной встречи с родителями Николай расцеловался также с дядей Сережей и тетей Соней; но, здороваясь с Верочкой, поцеловать ее не решился, только дружески протянул руку, которую та пожала крепко, по-мужски.

– Чего же ты ее не целуешь? – со смехом спросил дядя Сережа. – Что она тебе, чужая?

– Отчего чужая... – Николай смутился. – Ну, давайте на правах родственников... – Он нагнулся к Верочке, иронически смотревшей на него, и осторожно прикоснулся губами к ее щеке.

– И не вы, а ты, – строго заметил дядя.

– Да, ты, – с улыбкой согласился Николай.

– А я бы тебя совсем не узнала, – снисходительно сказала Верочка. – Совсем стал профессором.

Вымыв руки, Николай вернулся в столовую и сел рядом с матерью, любовно хлопотавшей возле него, придвигавшей печенье, варенье и наливавшей горячий чай.

– А может быть, сначала поешь? Наверно, проголодался с дороги?

– Нет, нет, у меня было много еды.

– Бедный мой! – погладив по плечу Николая, со вздохом сказала стоявшая сзади него Дзидза. – Ты зимой мало ел, должно быть. Уехал такой красивый, такой жирный, а сейчас – худой. Я тебе дам суп, лобию, картошку.

– Не надо, дорогая, я совсем сыт. Могу даже вас угостить. Осталась курица, ветчина...

Николай рассказал о своем пребывании в Тифлисе, о том, почему задержался там. Елена Антоновна и Петр Николаевич начали подробно расспрашивать сына, как он ехал из Петрограда, где были пересадки, не произошло ли в пути каких-нибудь неприятностей. А затем Петр Николаевич перешел на свои дела и начал излагать план устройства новой мандариновой и чайной плантаций.

– Я на тебя, дорогой мой, очень рассчитываю, – добавил в заключение Петр Николаевич. – Конечно, мы будем брать аджарцев для тяжелой работы; но в разбивке, в общем руководстве ты мог бы оказать мне большую услугу. Это, разумеется, до тех пор, пока большевики не падут и тебе не удастся вернуться в университет.

– А ты думаешь, большевики падут не скоро?

– Как тебе сказать... Может пройти полгода. А то и целый год.

– Что? Полгода? Год? – с презрительным смехом вмешался в разговор дядя Сережа. – Ну и хватил! Если они не провалятся через три месяца, и то будет чудо! Во всяком случае, мы с Соней приехали сюда из Курска с таким расчетом, чтобы пожить у вас до мая и уехать обратно. Даже летних вещей с собой не взяли. Соня хотела было забрать с собой все наиболее ценное, но я настоял, чтобы взяли самое худшее. Прислуга, слава богу, осталась, присмотрит, а в дороге столько грабителей!

– А ты знаешь, я все-таки потихоньку от тебя кое-что летнее взяла, – с хитрой улыбкой произнесла Софья Ивановна. – Твой серый костюм, например.

– Что? Серый костюм? И глупо! – Дядя Сережа рассердился. – А если бы в дороге пропал?

– Но ведь он не пропал.

– Все равно! Мог пропасть! Надеюсь, больше ничего не брала?

Сергей Николаевич с негодованием пылливо смотрел на жену.

– Верочкин каракулевый жакет тоже захватила. В дорогу надевать, конечно, опасно, снять могут. Но почему не положить в чемодан? И из столового серебра кое-что... Ложки, вилки.

– Возмутительно! И до сих пор мне ничего не сказать! То-то я чувствовал, что чемоданы слишком туго набиты! Интеллигентная женщина, а поступаешь как Коробочка!

– Успокойся, успокойся, Сергей, – добродушно заметил Петр Николаевич. – Ведь, в конце концов, все вышло благополучно.

– Да, но могло не выйти! Главное, Соня никогда не считается с моим политическим опытом! Особенно с анализом общих событий и фактов! Ведь, кажется, я не простой обыватель! Восемь лет состоял председателем земской управы! Был членом Первой Государственной думы! Если бы не заболел в Петербурге аппендицитом, Выборгское воззвание в числе прочих подписал бы!

– Папа, ты опять волнуешься, – строго сказала молчавшая до сих пор Верочка. – Тебе для сердца вредно.

– Дядя Сережа, а почему вы думаете, что большевизм так скоро падет? – слегка покраснев, нерешительно спросил Николай. – Сейчас трудно разобраться во всем этом.

– Кому трудно, братец, а кому и легко, – снисходительно взглянув на племянника, ответил Сергей Николаевич. – Государственные события никогда не бывают случайными. Все подвержено железным законам исторической логики. А что говорит логика? Логика говорит, что всякая автократия через революцию, как свой антитезис, переходит к синтезу, то есть к демократическому образу правления. Так было во Франции, так было в Германии, в Англии, так будет и у нас, разумеется. А что такое при подобной точке зрения большевизм? Естественный краткий переходный этап анархии, пока здоровые мощные демократические силы кристаллизуются. Поэтому нелепо думать, что большевики могут долго продержаться со своей идиотской программой. Этого не потерпит общественное мнение России!

– Нашел что противопоставлять анархии, – пренебрежительно пробормотал Петр Николаевич. – Многого стоит для борьбы с разбойниками твое общественное мнение.

– Как ты говоришь? Многого стоит? – Сергей Николаевич опять взволновался. – Значит, по-твоему, голос народа – ничто? А чем создается эволюция государства, как не общественным мнением? Народ сметает со своего пути все, что задерживает его стихийное движение вперед. Я уверен – не будь этого глупейшего выступления Корнилова, у нас не было бы Октябрьского

переворота, а была бы уже вполне налаженная мирная демократическая жизнь с полным уважением к личности, к правам человека и гражданина!

– А по-моему, мой милый, – нахмурившись, возразил Петр Николаевич, – выступление Корнилова было единственным светлым явлением после Февральской революции.

– Господа, вы опять? – взмолилась Елена Антоновна. – Нельзя же так каждый вечер! Коля, идем я покажу, как мы тебе устроили комнату.

Дзидза отправилась вместе с ними. По случаю приезда родственников в доме была сделана перестановка; но Николаю дали самую лучшую комнату, с видом на море. Все обставили очень уютно. У окна стоял письменный стол, возле него – подзорная труба.

– И о трубе вспомнили! – растроганно произнес Николай. – Здесь очень мило. А где ты их поместила? – тихо добавил он, кивая в сторону столовой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.